P 108/788

788

Религіозно-философская

БИБЛІОТЕКА

Выпускъ V.

Личность, общество и Церковь.

Л. Тихомировъ.—К. Побѣдоносцевъ.

Изданіе 2-е, переработанное и дополненное.

Цѣна коп.

Сергіевъ посадъ, Моск. губ. Типографія И. Иванова.
1918.

[illegible]

Религіозно-философская

БИБЛІОТЕКА

Выпускъ V.

Личность, общество и Церковь.

Л. Тихомировъ.—К. Побѣдоносцевъ.

Изданіе 2-е, переработанное и дополненное.

Сергіевъ посадъ, Моск. губ. Типографія И. Иванова.
1913.

2002000147

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

5493-02

Личность, общество и Церковь.

I

Л. А. Тихомировъ [1]).

ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящее время слышится много жалобъ на различные недочеты религіозной жизни и своей личной, и чужой; множество лицъ ищутъ религіозной жизни и утверждаютъ, что не могутъ ея найти въ силу нѣкоторыхъ условій современной жизни. Въ чемъ заключаются эти условія, препятствующія религіозному существованію—объ этомъ

---

[1]) Заимствовано съ нѣкоторыми сокращеніями, не измѣняющими смысла, изъ разсужденія о „Личности, обществѣ и Церкви". Оглавленія принадлежатъ редакціи.

говорятъ различно, обвиняя при этомъ рѣшительно всѣхъ и вся. Что нужно едѣлать, чтобы отыскать недающуюся искомую религіозную жизнь—объ этомъ тоже говорятъ различно. Но вообще при этомъ менѣе всего обращаютъ вниманіе на самое главное—на правильное соотношеніе личности и Церкви въ религіозной жизни. Между тѣмъ наши религіозные недуги едва ли не зависятъ болѣе всего отъ развитія *религіознаго индивидуализма*, въ связи съ ослабленіемъ *коллективной* религіозной жизни.

Всѣ мы съ дѣтства заучили догматическія положенія о единоспасающей Церкви, но значеніе совмѣстной, церковной жизни для религіознаго существованія представляется намъ теперь лишь въ видѣ какой-то книжной формулы, реальный смыслъ которой мы уже плохо схватываемъ. Всѣ мы знаемъ тѣсную общественную связь первыхъ христіанъ, но склонны объяснять это особливой добродѣтелью, тогда какъ наоборотъ—духъ вѣры и добродѣтели порождались у нихъ вслѣдствіе ихъ тѣсной и дружной церковности.

Древніе христіане понимали, почему имъ лично нужна Церковь, общество, и почему они сами нужны для этого общества, и къ чему ихъ обязываетъ эта взаимная надоб-

ность. Потому-то религіозная жизнь имѣла у нихъ такое всепоглощающее значеніе. Теперь положеніе измѣнилось. Религіозная жизнь не испомѣщаетъ всѣхъ силъ человѣка, ибо ея содержаніе въ его пониманіи очень сузилось. Что такое религіозная жизнь? Обыкновенно отвѣчаютъ: „общеніе съ Богомъ“. Но что такое это общеніе? Каково его содержаніе? Каковы его послѣдствія въ содержаніи нашей жизни? Древній христіанинъ все это прекрасно понималъ, нынѣшній въ большинствѣ случаевъ почти не понимаетъ.

Одно изъ послѣдствій суженія нашихъ представленій о церковной идеѣ составляетъ то обстоятельство, что въ наше міросозерцаніе, а затѣмъ и въ практику жизни, теперь врывается, все въ болѣе ненормально расширенной степени, одно изъ могущественнѣйшихъ „мірскихъ“ попеченій — именно о строѣ соціальномъ. При всей важности и даже высотѣ своей, идея соціальная, въ дѣйствительности, ниже церковной по своему содержанію и міровому значенію. Фактически же соціальная идея начинаетъ затушевывать въ умахъ идею церковную, и даже являются тенденціи испомѣстить идею религіозную въ среду соціальную, обществомъ поглотить Церковь.

Человѣческое общество, какъ міровое явленіе, чаруетъ умы своей силой, стройностью, благодѣтельностью. На соціальную среду переносится почти религіозное благоговѣніе. „Жить для общества“, „жить общественными интересами“—это для множества лучшихъ людей нашего времени не пустыя слова, а выраженіе наиболѣе великаго ихъ нравственнаго содержанія, за которое они готовы отдать жизнь, ибо безъ него ихъ жизнь была бы пустой и безсмысленной. Церковная же идея потускнѣла въ умахъ.

Что значитъ жить для общества—всякому кажется понятнымъ. Понятнымъ кажется и вопросъ, какъ въ этомъ служеніи помѣстить свои силы. Но что значитъ жить для Церкви? Значитъ ли это сдѣлаться по малой мѣрѣ псаломщикомъ? Или чиновникомъ духовнаго вѣдомства? Жизнь церковная начинаетъ казаться лишь какимъ-то спеціальнымъ уголкомъ человѣческой жизни, средой „удовлетворенія религіозныхъ потребностей“, подобно тому какъ есть учрежденія для удовлетворенія эстетическихъ потребностей и т. д.

Это затираніе церковной идеи общественною составляетъ явленіе крайне вредное и опасное для личности и человѣчества. Это—обманъ, стремящійся отвлечь насъ отъ наи-

болѣе высокой жизни и погрузить въ относительно низкую. Это обманъ, стремящійся задушить высшую жизнь, подчинивъ ее низшей, и заглушить въ насъ, людяхъ, источникъ нашей истинной силы. Для избѣжанія этой опасности современный человѣкъ долженъ возможно лучше уяснить себѣ дѣйствительное соотношеніе между Церковью и соціальной жизнью и истинное мѣсто своей личности въ томъ и другомъ проявленіи общественности.

Глава 1.

Соціальная жизнь и ея значеніе.

Четыре жизни въ мірѣ.

Разсматривая общую міровую жизнь, мы видимъ въ ней какъ бы нѣсколько возвышающихся одинъ надъ другимъ этажей—особыхъ категорій явленій или процессовъ: жизнь неорганическая, органическая, животная, и жизнь духовная. Человѣкъ внѣдренъ во всѣ эти категоріи явленій, спускаясь до самыхъ низшихъ и восходя до высшихъ.

Всѣ эти категоріи явленій подчинены общему закону *единенія*, существованія собирательнаго, коллективнаго. Этотъ законъ каждая

категорія явленій осуществляетъ по своему, причемъ каждая изъ нихъ составляетъ лишь нѣкоторую подпочву для высшихъ слоевъ. Законы неорганической природы образуютъ подпочву для жизни органической, а эта послѣдняя въ свою очередь—для жизни животной. Въ сферѣ животной возникаетъ общественность, причемъ органическая жизнь даетъ подпочву для жизни соціальной. Въ свою очередь соціальная жизнь тѣхъ существъ, которыя обладаютъ духовнымъ элементомъ, даетъ подпочву для жизни церковной. При этомъ законы низшаго слоя каждый разъ кое-что уясняютъ намъ въ законахъ высшаго, такъ какъ не исчезаютъ въ нихъ совершенно, а только подчиняются новому *высшему организаціонному принципу*.

Сходство біологическихъ и соціальныхъ явленій.

Въ первое время развитія общественной науки, соціологи и біологи были одинаково поражаемы сходствомъ явленій біологическихъ и соціальныхъ. Соединеніе клѣточекъ и органовъ, стройно соподчиненныхъ между собою, невольно напоминало строеніе общества и государства, и обратно—строеніе общества напоминало соціологу строеніе организма. Отсюда явилась въ соціологіи органическая идея, наша общественность была поставлена

въ разрядъ явленій біологическихъ, высшаго вида. Родилось соціально-философское представленіе о человѣкѣ, какъ нѣкоторомъ безсмертномъ коллективномъ существѣ, въ которомъ личности—не болѣе какъ смѣняющіяся клѣточки одного организма. Это воображаемое коллективное существо—Человѣчество—было Огюстомъ Контомъ возведено даже въ санъ божества, котораго религія еще и нынѣ не вполнѣ исчезла.

Однако, то сходство между организмомъ и обществомъ, которое столь поражало соціологовъ, зависитъ исключительно оттого, что и въ организмѣ и въ обществѣ находитъ примѣненіе законы безсрочно длящейся *кооперации*.

Коренное различіе между организмомъ и обществомъ.

Но этимъ сходство и исчерпывается, ибо *особи*, входящія въ кооперацію, въ организмѣ (въ біологіи) и въ обществѣ (въ соціологіи)—совершенно различны, и потому самый характеръ ихъ кооперации представляетъ глубочайшія различія.

Въ общественности мы, поэтому, имѣемъ особенный слой явленій, который можетъ быть названъ *надъ-органическимъ* міромъ.

Съ точки зрѣнія чисто естественно-научной можно, въ общей схематической формулѣ,

сказать, что въ организмѣ входятъ въ кооперацію простыя *протоплазматическія клѣточки*, а въ общественности—одни только *нервные центры*. Это огромное различіе означаетъ, что въ біологіи происходитъ кооперація живого *вещества*, а въ соціологіи—кооперація *личностей*.

Сущность органической жизни въ сліяніи.

Вещество, охваченное тѣмъ таинственнымъ процессомъ, который мы называемъ живымъ состояніемъ, сливается въ клѣточки, которыя въ свою очередь при малѣйшемъ совмѣстномъ сближеніи сливаются между собою въ болѣе сложные аггрегаты, и образуютъ *организмъ*. О клѣточкахъ мало сказать, что онѣ имѣютъ способность сливаться въ организмъ: онѣ прямо неспособны удержаться отъ сліянія. Такъ, если нѣсколько штукъ *Circinalium concrescens*, находясь по близости, разрастаются до соприкосновенія—онѣ сливаются въ одно, такъ называемое „колоніальное животное“. *Manobiae confluentes*, начиная совмѣстно высасывать какую нибудь крупинку, соединяются своими лучами и тоже сливаются въ колонію, хотя могутъ иногда опять распадаться. Обыкновенныя губки въ молодости живутъ независимо, но потомъ, прикрѣпляясь въ одномъ мѣстѣ, немедленно начинаютъ

сливаться, причемъ отдѣльная губочка, смотря по тому, въ какое мѣсто скопленія случайно попала—становится то органомъ питанія, то органомъ пищеваренія, то извергательнымъ каналомъ. Вообще законъ простого живого вещества состоитъ въ сліяніи, результатомъ котораго является организмъ.

Но при кооперацiи организмовъ этого сліянія уже нѣтъ. Здѣсь является *личность*, которая при кооперацiи не уничтожается, а остается сама собою.

Соціальная (общественная) жизнь возможна только среди личностей.

И вотъ соціальныя явленія, соціальная связь, происходятъ только въ мірѣ *животныхъ*, гдѣ есть *особь*, *личность*, причемъ вся связь держится не на почвѣ общихъ свойствъ животнаго вещества, а на почвѣ исключительно *психологической*, на почвѣ *чувства*, *представленія и воли*. Эти личности только находятся въ *общеніи*, но не сливаются, и даже неспособны къ сліянію, ибо самая сущность ихъ состоитъ въ индивидуальности. Если-бы особи слились, онѣ уничтожились бы. Организмы, въ отличіе отъ простого живого вещества, способны поддерживать свою жизнь только тогда, пока они отдѣльны и сами завѣдуютъ отправленіями своихъ органовъ. Если-бы мы вздумали пре-

вратить цѣлый организмъ только въ сердце, только въ легкія или мозгъ, вообще только въ особый органъ—этотъ организмъ немедленно погибнетъ.

Значеніе общества для человѣка.

Общественность имѣетъ для личности, для человѣка, огромнѣйшее значеніе.

Общественность есть законъ существованія, но такой законъ, который не внѣшне навязывается человѣку (какъ законы природы неорганической или даже законы нашей физіологіи), а создается свойствами нашего собственнаго чувства, представленія и воли.

Божественнымъ творчествомъ въ свойствахъ личности заложено все, необходимое для того, чтобы тянуть насъ къ общественной жизни. Привычка, зарожденная съ дѣтства, затѣмъ поддерживается потребностью въ обмѣнѣ впечатлѣній, составляющей основное психологическое свойство всякаго животнаго. Это свойство неудержимо влечетъ людей другъ къ другу, даже помимо всякихъ утилитарныхъ разсчетовъ, а просто потому, что этотъ обмѣнъ даетъ каждой особи какъ бы усиленное ощущеніе своей жизни. Итакъ, само чувство жизни направляетъ къ общественности. Точно также и разсудокъ влечетъ насъ къ тому же.

Общество есть наиболѣе благопріятная *среда* для развитія человѣка.

Въ этомъ отношеніи значеніе общества такъ велико, что, конечно, безъ него человѣкъ не могъ бы быть человѣкомъ.

Оно въ безконечной степени увеличиваетъ и утончаетъ силы личности, давая къ услугамъ каждаго силы всѣхъ другихъ и ихъ средства. Общество есть хранилище опыта, знаній и матеріальныхъ средствъ предшествующихъ поколѣній, благодаря чему вновь рождающаяся безсильная личность сразу вступаетъ въ даровое обладаніе средствами, о которыхъ не могла бы и мечтать при иныхъ условіяхъ. Общество, наконецъ, есть великая школа для выработки самостоятельности личности, въ цѣлой системѣ подчиненій и командованій.

Увеличивая въ тысячу разъ силу человѣка, общество вслѣдствіе этого вырабатываетъ въ немъ сознаніе своей силы и достоинства. Въ соціальной средѣ человѣкъ чувствуетъ себя господиномъ міра, высшимъ существомъ. Въ самыхъ рабскихъ обществахъ есть гордые аристократическіе слои, которыхъ идеалы личности становятся рано или поздно образчикомъ для остальной массы народа.

Недостаточность соціальной жизни для человѣка, какъ существа духовнаго.

Но при всей благодѣтельности соціальной среды для развитія человѣка, она не представляетъ полнаго и идеальнаго помѣщенія для него.

Причина этого состоитъ въ томъ, что человѣческая личность не есть только животная, *психологическая*, но также *духовная*. *Непосредственное* распоряженіе обществомъ дано самому человѣку, и общество повсюду таково, какимъ его желаютъ имѣть люди. Человѣкъ во всемъ, на что хватаетъ Богомъ данныхъ ему силъ, устраиваетъ свою соціальную жизнь, какъ хочетъ, по своей психологіи, по своему чувству, волѣ и разсужденію. Это даетъ, въ обществѣ, огромную практику самостоятельности человѣка. Но—то самое, что развиваетъ каждаго члена общества, не даетъ возможности создать *среду* идеально высокую, высокую настолько, насколько высока потенціально природа человѣческой личности.

Въ соціальной средѣ дѣйствуетъ не одинъ человѣкъ, но вся совокупность людей, приблизительно равносильныхъ, и общій ходъ жизни складывается, какъ нѣкоторая равнодѣйствующая этого множества составляющихъ силъ. Это дѣлаетъ соціальную

среду неизбѣжно очень, въ среднемъ, низкой сравнительно съ стремленіями лучшихъ ея людей. И это обстоятельство—совершенно неизбѣжное, навѣки неизбѣжное. Сверхъ того въ обществѣ нѣтъ *единой* личности, которая бы сливала въ себѣ, въ качествѣ отдѣльныхъ частей, психологическія силы всѣхъ особей, давая имъ идеальный порядокъ соотношеній.

Поэтому человѣкъ не удовлетворяется соціальнымъ строеніемъ, не можетъ помѣстить въ него всего себя безъ остатка, и чувствуетъ постоянно, что это строеніе не полно, не даетъ всего, что человѣку и его творческой силѣ необходимо для полноты жизни.

Такое полное, всецѣлое испомѣщеніе человѣческой личности, какого жаждетъ его духъ, возможно лишь въ новомъ строѣ общественности, гдѣ высшимъ организующимъ элементомъ является Богъ, то-есть въ *Церкви*.

Глава 2.

Церковь, ея свойства и значеніе.

Истинная религія—христіанская—выдѣляетъ религіозную коллективность въ особый строй—Церковь, которая не сливается съ

соціальнымъ строемъ и является общественностью *надъ-соціальной*.

Различіе между соціально-политической средой и церковной весьма существенно. Организаціонное начало въ обществѣ—есть человѣческая личность, элементъ *психическій*. Организаціоннымъ элементомъ Церкви является Богъ, Личность Божественная, *элементъ духовный*. Отсюда является разница въ опредѣленіи *цѣлей* строенія. Въ первомъ случаѣ цѣли опредѣляются человѣкомъ, во второмъ случаѣ—Богомъ. Въ обществѣ человѣкъ работаетъ на собственное „хозяйство", въ Церкви является Божьимъ домостроителемъ. Отсюда проистекаетъ далѣе разница и въ характерѣ организаціи. Но такъ какъ въ церковную жизнь входитъ всетаки человѣкъ, со всѣми своими психическими свойствами, требующими соціальнаго строя, то въ церковной жизни также повторяются соціальные законы коопераціи, взаимопомощи, совмѣстнаго дѣйствія. Эти законы, замѣтные еще въ мірѣ органическомъ, высоко развивающіеся въ мірѣ соціальномъ,—въ церковномъ строѣ становятся еще тоньше и глубже.

Соціальный элементъ въ Церкви.

Не только наблюденіе, но положительное разъясненіе св. Писанія говоритъ намъ, что

духовные дары въ насъ *различны*, а между тѣмъ цѣлью святости поставлена полнота совершенства. Она оказывается, такимъ образомъ, недостижимой иначе, какъ *совмѣстной духовной жизнью*. Человѣкъ въ Церкви нуждается въ другихъ ея членахъ совершенно такъ же, какъ гражданинъ общества не можетъ обойтись безъ другихъ своихъ сограждан.

Ученіе ап. Павла.

Апостолъ Павелъ хорошо объясняетъ это въ посланіи къ Коринѳянамъ (I-е, XII, 7—12). „Каждому,—говоритъ онъ,—дается проявленіе Духа на пользу: одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ, иному вѣра, тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, *раздѣляя кождому особо*, какъ Ему угодно. Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло: такъ и Христосъ". При этомъ „не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны" (21). Всѣ другъ въ другѣ, стало быть, нуждают-

ся. Интересы членовъ тѣла Христова солидарны. „Страдаетъ ли одинъ членъ—страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ—съ нимъ радуются всѣ члены“ (26). Поэтому: не нужно, чтобы являлось раздѣленіе, а нужно, чтобы всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ.

Эта необходимость солидарности и взаимопомощи составляетъ положительный Божественный законъ не для какихъ-либо матеріальныхъ интересовъ, а для жизни духовной, для ея полноты. „Вы—тѣло Христово, а порознь—члены“ (27), повторяетъ Апостолъ. Въ посланіи къ Ефесянамъ (IV, 15—16) требуется, чтобы мы „все возращали въ Того, Который есть Христосъ, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ *всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей*, при дѣйствіи *въ свою мѣру* каждаго члена“... Всѣ дѣйствуютъ, а достигаютъ лишь совмѣстно. Въ цитированномъ посланіи Коринянамъ Апостолъ говоритъ, что „иныхъ Богъ поставилъ Апостолами, другихъ пророками, третьихъ учителями; инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія“ и т. д. Эти дары даны не всѣ одному лицу сразу, а разнымъ, и не одинаковые. „Всѣ ли Апостолы? всѣ ли

пророки? всѣ ли учители? всѣ ли чудотворцы? всѣ ли имѣютъ дары исцѣленій? всѣ ли говорятъ языками? всѣ ли истолкователи?“

Совершенно ясно, что всесторонней святости каждый человѣкъ не имѣетъ, по крайней мѣрѣ большую часть времени, въ теченіе котораго искалъ святости. Но при взаимопомощи каждый можетъ пользоваться плодами дара, имѣющагося у другого члена Церкви, почему и легче освящается самъ. „Служите, — говоритъ Апостолъ Петръ, — другъ другу тѣмъ даромъ, какой получили, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Божіей“ (I Петр. IV, 10). Эта взаимопомощь въ духовной жизни устанавливаетъ тѣсную и необходимую связь между членами Церкви. На основѣ той же взаимопомощи различно одаренныхъ членовъ Церкви устроена и іерархія священнодѣйствія.

Церковь, какъ истинный организмъ.

Общество человѣческое лишь метафорически можно назвать „организмомъ“, и если оно составляетъ юридическую личность, то всегда остается ассоціаціей отдѣльныхъ особей. Въ Церкви, напротивъ, отдѣльныя личности представляютъ части одного тѣла Христова. Въ ихъ коллективности обитаетъ Одна Личность —

Христосъ, чего нѣтъ и по существу не можетъ быть въ соціальной средѣ.

Уподобленіе Церкви „тѣлу“ уже не есть метафора, а опредѣленіе факта, одинаково дѣлаемое всѣми Апостолами и Отцами.

Апостолъ Павелъ пишетъ Ефесянамъ, что Богъ „поставилъ Его (Спасителя) выше всего, главою Церкви, которая есть тѣло Его, *полнота Наполняющаго все* во всемъ“ (I, 22, 23). Сравнивая отношенія брачныя съ отношеніями Христа и Церкви, онъ говоритъ: „Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее“... Господь заботится о Церкви: „Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, *какъ и Господь Церковь*, потому что мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его... Тайна сія велика. Я говорю по отношенію ко Христу и Церкви“. (Ефес. V, 29, 30, 32). Это вселеніе Христа въ Церковь—великая тайна—придаетъ церковному обществу то, чего нѣтъ въ соціальной средѣ—какъ бы характеръ коллективной особи. Удаленіе христіанина изъ Церкви *расчленяетъ* Христа. „Приказывай и убѣдительно внушай народу,—говорятъ Постановленія Апостольскія (стр. 94, 95),—чтобы прилежно ходилъ въ Церковь... и отнюдь не оставлялъ собранія..., чтобы

никто удаленіемъ своимъ отъ нея не *увѣчилъ* Церкви, и не дѣлалъ тѣла Христова безъ члена... Не нерадите о себѣ, не отнимайте у Спасителя Его членовъ, не раздѣляйте членовъ Его тѣла, не расточайте Его членовъ". Религіозная обособленность является такимъ образомъ тяжкимъ грѣхомъ противъ тѣла Христова. [1]).

Временное значеніе общества для человѣка душевнаго.

Соціальная среда, какъ создана, такъ и остается со *своими* законами, качествами,—остается она „міромъ симъ", а не Царствомъ Божіимъ. Церковь, какъ особый, но-

---

[1]) Владиміръ Соловьевъ въ этомъ отношеніи прекрасно формулируетъ духъ христіанства, говоря:

„Пока человѣкъ остается и утверждается въ своей ограниченности и отдѣльности — въ немъ *нѣтъ Бога*. А чтобы выйти изъ этой ограниченности, онъ долженъ обратиться къ тому, что больше и выше, чѣмъ онъ самъ. Это большее и высшее, чѣмъ онъ самъ, человѣкъ находитъ въ Церкви" („Духовныя основы жизни", о Церкви). „Въ сочетаніи человѣческой личности съ Церковью—человѣкъ исцѣляется, получаетъ истинно здравую жизнь, а церковь оплодотворяется, становится *дѣйствующею*" (тамъ же). Но какъ ни сильна христіанская *обобществленность*, совершенно ошибочно думать, чтобы соціальная среда могла быть слита съ Церковью.

вый строй жизни, потому и нужна, что законы соціальной жизни неспособны дать того, что даетъ Церковь.

Въ общей экономіи міровой жизни, соціальный строй необходимъ потому, что простая органическая жизнь неспособна дать развитой личности. Выработка развитой психически, *душевно*, личности составляетъ задачу жизни соціальной. Но выработка личности—есть характеромъ *духовнаго* существа—требуетъ новаго строя, именно церковнаго, такого строя, гдѣ организующей личностью является Божество. Придать соціальной средѣ функціи духовныя—невозможно, ибо въ ней человѣкъ живетъ именно постольку, поскольку онъ еще не далъ своему духовному элементу господства надъ душевнымъ. Когда это произошло, то и надобности въ соціальной средѣ нѣтъ. Соціальная среда нужна Домостроительству Божію, какъ низшій строй выработки личности. Но между соціальной и церковной средой существуетъ непереходимая грань—въ ихъ организаціонномъ элементѣ.

Организующій центръ въ Церкви.

Идеальный порядокъ есть тамъ, гдѣ отдѣльныя части связаны между собою естественными отношеніями, вытекающими изъ самой природы

ихъ, а потому неоспоримыми, неизмѣняемыми и для всѣхъ дающими *полное* удовлетвореніе. Но такой порядокъ соотношеній возможенъ лишь тамъ, гдѣ единицы складываются около своего *естественнаго центра*. Богъ—это единственная сила и власть, около которой люди могли бы группироваться естественно, безспорно, получая каждый *свое* мѣсто.

Но въ соціальной средѣ, въ обществѣ, можетъ возникать лишь власть условная, договорная. Какъ ни устраивай, но люди по природѣ—равны. Хотя между ними и есть неравенство способностей, но это неравенство подвижно, перемѣнчиво. Иной былъ способнѣе прочихъ, а потомъ обезсилѣлъ, потерялъ преимущество. Иной способнѣе другихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но уступаетъ почти всѣмъ въ другихъ отношеніяхъ. Иной, по способностямъ предковъ, занялъ первое мѣсто, а потомъ среди „смердовъ“ вдругъ появляются геніи гораздо болѣе могущественные... Поэтому власти *естественной*, такой, которая сама въ себѣ заключала бы силу—въ обществѣ нѣтъ. Ея комбинаціи мѣняются безпрерывно. Общественную власть приходится строить искуственно, и затѣмъ устанавливать общественную гармонію на этой искуственной власти и на системѣ

права. Но право—есть система договорная, а то, что мы сами установили—мы сами можемъ и отмѣнить. Поэтому единственное средство поддержать создаваемые нами центры, и наше право—составляетъ элементъ *принужденія*, насиліе, ибо само себя право не поддержитъ. Однако, и принужденіе нельзя сдѣлать незыблемо прочнымъ, потому что желанія и силы людей мѣняются. Люди, вчера бывшіе болѣе сильными и установившіе, для поддержанія общественной гармоніи, извѣстную систему принужденія, сегодня оказываются ослабѣвшими, неспособными удержать порядокъ. На смѣну имъ идутъ другіе, которые хотятъ установить иное право, иную систему принужденія. Узнать же, кто сильнѣе, кто долженъ уступить и покориться, очень часто нельзя иначе, какъ помѣрявшись силами.

Поэтому борьба есть вѣчный удѣлъ этой юридической, правовой системы порядка, характеризующей соціальный строй.

Въ Церкви, напротивъ, есть незыблемый духовный центръ: Богъ. Группируясь около Него, люди естественно группируются и между собою, въ тѣхъ естественныхъ соотношеніяхъ, которыя зависятъ отъ ихъ духовнаго состоянія. Божественный центръ даетъ для нашего духовнаго элемента тотъ же стройный путь

группировки, какъ, напримѣръ, химическое сродство даетъ для группировки элементовъ неорганическихъ. Тутъ *право* не только не нужно, но и невозможно, ибо все опредѣляется естественнымъ соотношеніемъ силъ. Тутъ нѣтъ, юридически, ни правъ, ни обязанностей, тутъ Духъ Господень, а потому и свобода. Но тутъ нѣтъ также и возможности личнаго произвола, ибо личность въ Церкви, живетъ духовной природой, при которой воля личности сама собой совпадаетъ съ волей Божіей, все въ Церкви устрояющей. Соотвѣтственно съ этимъ образуется и весь церковный строй, его формы, его власть, его подчиненность, поскольку можно употреблять въ отношеніи Церкви эти термины соціальнаго гражданскаго строя.

Нравственно-религіозный характеръ церковнаго строя.

Церковный строй весь расположенъ такъ, чтобы члены Церкви были живыми членами тѣла Христова, ихъ взаимоотношеніе должно быть приспособлено къ возможно большему взаимному освященію, возможно большему служенію всѣхъ другъ другу своими духовными дарами, и чтобы во всей совокупности членовъ жила и непрерывно направляла всѣ дѣйствія этого тѣла именно воля Христова.

Всѣ члены Церкви связаны между собою дарами и полномочіями, исходящими единственно отъ Христа и единственно Ему принадлежащими. Строго говоря, въ юридическомъ смыслѣ, въ Церкви нѣтъ начальства и власти, и всѣ другъ другу подчиняются въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны даромъ Христа.

Это не уменьшаетъ церковной дисциплины, но придастъ ей характеръ нравственный, и сохраняетъ въ ней для вѣрующаго извѣстную обязанность разсужденія о томъ, несомнѣнно ли въ дѣйствіяхъ власти соблюденіе того служенія, ради котораго ей должно повиноваться.

Св. Игнатій Богоносецъ пишетъ Ефесянамъ (гл. 5): „Всякаго, кого посылаетъ домовладыка для управленія своимъ домомъ, намъ должно принимать такъ же, какъ самого пославшаго. Поэтому ясно, что и на епископа должно смотрѣть, какъ на Самого Господа". „Старайтесь дѣлать все въ единомысліи Божіемъ,—пишетъ онъ Магнезійцамъ,—такъ какъ епископъ предсѣдательствуетъ на мѣсто Бога, пресвитеры занимаютъ мѣсто собора Апостоловъ, и діаконамъ.... ввѣрено служеніе Іисуса Христа". Это же повторяетъ онъ Траллійцамъ и Смирнянамъ. Такія свидѣтельства одинаковы у Отцовъ.

„Епископъ—стражъ для народа“, читаемъ въ Постановленіяхъ Апостольскихъ“. Епископъ, будучи головою, не долженъ внимать хвосту, то-есть міянину. Епископу надлежитъ „начальствовать надъ подчиненными“ (стр. 39). „Пастыря добраго міянинъ долженъ чтить, любить, бояться какъ господина, какъ владыку, какъ первосвященника Божія, какъ учителя благочестія“. „Почитайте ихъ начальниками и царями своими“ (63)...

Итакъ—власть, кажется, огромная. Но въ Церкви критерій всего есть Христосъ, а не люди, какъ бы ни было высоко поставлено ихъ видимое служеніе. Это придаетъ личности огромную самостоятельность, вмѣняемую въ обязанность. Тѣ же „Постановленія“ гласятъ:

„Выслушайте, епископы, выслушайте и вы, міряне, какъ говоритъ Господь: разсужу между овчатомъ и овчатомъ и между овномъ и овномъ... Ибо и овцы и овны эти—*разумные, а не безсловесные*, чтобы міянинъ сказалъ когда нибудь: я овца, а не пастырь, я не обращалъ на себя никакого вниманія, посему пастырь увидитъ, онъ одинъ понесетъ за меня наказаніе... Ибо какъ овца, не идущая за хорошимъ пастыремъ, оставляется волкамъ на погубленіе, такъ и идущая за худымъ пастыремъ непремѣнно умретъ. По-

сему *надобно бѣгать пастырей губителей*". И далѣе: „Епископъ, объятый невѣдѣніемъ или зломысліемъ, не есть уже епископъ, но ложно носитъ это имя: не Богомъ избранъ, но людьми" (стр. 251—252).

Итакъ, членъ Церкви постоянно все провѣряетъ Христомъ. Онъ остается разумною, а не безсловесною овцой. Сверхъ того, какъ бы ни былъ онъ малъ—онъ все-таки есть носитель какого-нибудь дара, какой-нибудь силы Христовой, и зачѣмъ-нибудь нуженъ для другихъ, хотя бы и болѣе сильныхъ.

Объ этомъ одареніи всѣхъ мы выше видѣли разъясненія Апостола Павла, который говоритъ даже, что немощнѣйшіе члены тѣла пользуются особой заботой. А вотъ характеристическое мѣсто „Постановленій Апостольскихъ":

„Никто изъ васъ да не превозносится передъ братомъ, хотя бы былъ пророкомъ или чудотворцемъ... Ибо быть благочестивымъ зависитъ отъ благомыслія каждаго, а творить чудеса отъ силы Того, Кѣмъ дѣйствуютъ они"... „Равно и епископъ да не превозносится передъ діаконами или пресвитерами, ни пресвитеры передъ народомъ, потому что *собраніе составляется изъ тѣхъ и другихъ*". (стр.. 250—251).

„Собраніе составляется изъ тѣхъ и другихъ“: вотъ характерпстическое напомпнапіе, что Христосъ—въ коллективности, въ совмѣстной жизни, Тотъ Христосъ, отъ Котораго Единаго всѣ дары, вся власть, все управленіе въ Церкви.

Соборность Церкви.

Сознаніе того, что лишь въ цѣлой Церкви пребываетъ *полнота* Христа, выразилось въ томъ, что вся жизнь, вся дѣятельность Церкви, совершалась въ тѣснѣйшей совмѣстности всѣхъ членовъ. Такъ какъ власть принадлежитъ только Христу, а Христосъ дѣйствуетъ въ цѣлостной Церкви, то *соборное* начало проникаетъ церковный строй. При этомъ должно помнить, что идея соборности не состоитъ въ преобладаніи большинства, а въ полномъ единогласіи *всѣхъ членовъ Церкви*. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Должно оговориться только, что христіанство—вообще не въ формѣ, а въ духѣ. Собраніе даже небольшого числа лицъ можетъ выразить чувство, мысль и желаніе всѣхъ, если только выразитъ волю Христа, пребывающаго въ Церкви, и вся совокупность членовъ, не бывши физически на соборѣ, признаетъ рѣшеніе какъ бы свое собственное и искренно повторитъ вслѣдъ

за бывшими на соборѣ: „Изволися Духу Святому и намъ“...

Дѣло не въ матеріальной формѣ, а въ самомъ духѣ, который требуетъ полной совмѣстности *всѣхъ* членовъ Церкви. Апостолы, получившіе власть отъ Самого Христа, все, однако, совершали соборнѣ. Внимая не себѣ и не людямъ, а Духу Святому, они иногда совершенно лично рѣшались на весьма необыкновенныя дѣла, но эти дѣянія становились немедленно достояніемъ всей Церкви. Такъ Ап. Петръ самостоятельно крестилъ Корнилія и другихъ язычниковъ, и это на минуту произвело даже нѣкоторый соблазнъ, но за симъ, выслушавъ Апостола, христіане „успокоились и прославили Бога“.

Итакъ, сущность соборности не во внѣшней формѣ собранія, а во внутреннемъ единеніи общей мысли и воли. Но потребность единенія естественно приводила къ общимъ собраніямъ и рѣшеніямъ. Она же выразилась въ *избраніи* лицъ священнаго сана.

Въ „Дѣяніяхъ“ ясно, кѣмъ произведено избраніе Апостола Матѳея на мѣсто Іуды Искаріотскаго. Но Апостолъ Петръ говорилъ при этомъ предъ цѣлымъ собраніемъ изъ 120 человѣкъ. Что касается новаго учре-

жденія діаконовъ, то оно произведено чисто соборнымъ порядкомъ (Дѣян. VI, 1—6). Первый Апостольскій соборъ постановилъ рѣшеніе отъ имени всей братіи (Дѣянія XV, 22—29). Избраніе епископовъ народомъ составляло въ древности общее правило. По Зонарѣ самое слово—хиротонія—получило свое начало отъ этихъ избраній, при которыхъ народъ въ знакъ согласія подымалъ руки. Но смыслъ этихъ избраній не въ томъ, чтобы представить „общественную волю", а въ сохраненіи полной совмѣстности, духовной слитности вѣрующихъ.

Оставаясь разумными, а не безсловесными овцами, міряне подчиняются Христу, а не людямъ. Точно также и епископъ подчиняется Христу, а не общественной волѣ. Этотъ духъ проявляется и въ фактѣ избранія епископовъ, и въ почти безграничной ихъ власти надъ народомъ и клиромъ, которые, однако, при этомъ обязаны охранять волю Христа, живущаго во всей совокупности вѣрующихъ, а не въ одномъ священствѣ.

При всѣхъ измѣненіяхъ управительнаго строя въ Церкви, мы, православные, доселѣ помнимъ это. Посланіе Восточныхъ Патріарховъ и въ новѣйшее время указываетъ Римско-католикамъ, что „у насъ ни Патрі-

архи, ни Соборы никогда не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, то-есть самый *народъ*“ (Пар. 17).

Значеніе Церкви для религіозной личности.

Огромное, можно сказать, всеопредѣляющее значеніе, которое для личной религіозной жизни имѣетъ церковная коллективная жизнь, дѣлаетъ въ высшей степени важнымъ вопросъ о церковномъ строѣ.

Церковный строй имѣетъ своей задачею достигнуть того, чтобы каждая личность могла сколько нибудь дѣйствительно пребывать членомъ тѣла Христова. О правильности этого условія религіозной жизни мы нынѣ весьма мало заботимся, а между тѣмъ оно, въ наше время, имѣетъ даже въ цѣляхъ личной религіозной жизни гораздо больше значенія, нежели въ тѣ эпохи когда среди ищущихъ спасенія жили непосредственные ученики Апостоловъ.

Сохраненіе правильности церковнаго строя для члена Церкви несравненно болѣе важно, нежели сохраненіе правильнаго политическо-соціальнаго строя для гражданина мірского государства. Граждане, изъ благоразумія и пониманія своихъ интересовъ, не должны допускать подрыва нѣкоторыхъ об-

щихъ основъ, явно требуемыхъ законами человѣческой психологіи. Но во всѣхъ вторичныхъ построеніяхъ общественности и государственности граждане совершенно свободны въ выборѣ. Они строятъ сами и для себя, слѣдовательно, властны дѣйствовать по своему вкусу и соображенію. Никто не можетъ отрицать ихъ права воздвигать свое общество такъ, какъ имъ, хотя бы и ошибочно, кажется болѣе удобнымъ.

Не таково положеніе члена Церкви въ отношеніи своего церковнаго строя, который опредѣленъ волей Божіей въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы коллективность людей стала живымъ тѣломъ и обиталищемъ Спасителя. Это обиталище должно быть таково, какое угодно имѣть Спасителю. Мы можемъ выйти изъ Церкви, можетъ отказаться служить Спасителю, какъ обиталище Его. Вольно каждому быть съ Богомъ или безъ Бога. Но ужъ если мы желаемъ быть живымъ храмомъ Божіимъ, то должны имѣть между собою именно такія отношенія, такой коллективный строй, какого требуетъ Господь.

Здѣсь наша воля непремѣнно должна быть въ гармоніи съ волею Божественной, и если бы этого не было, то наша церковь самымъ

фактомъ расхожденія съ Богомъ—переставала бы быть Церковью.

Эта вселенская, Апостольско-Соборная незыблемость церковнаго строя является необходимымъ условіемъ личной религіозной жизни. Искаженіе этого строя создаетъ практику жизни, противную истинной вѣрѣ, и постепенно пролагаетъ дорогу и къ искаженію догмата. Да и спасающее значеніе догмата вполнѣ зависитъ отъ того, живемъ ли мы и дѣйствуемъ согласно содержанію его формулы.

Невозможно представить, чтобы личность осталась дѣйствительно въ связи съ Богомъ, если она стала небрежно относиться къ Церкви или высокомѣрно полагаетъ, что для нея Церковь не нужна. Точно такое же высокомѣріе проявлялось бы въ выборѣ нами какихъ-либо отдѣльныхъ сторонъ церковности и отверженіи другихъ. Сказать себѣ: мнѣ нужно жить въ Церкви, потому что она меня пріобщаетъ къ таинствамъ, но управленіе ея мнѣ не нужно—это означало бы, что у разсуждающаго такъ совершенно исчезло понятіе о Церкви, какъ живомъ тѣлѣ Христа. Точно также нельзя сказать себѣ: управленіе церковное нужно и должно быть разумнымъ, но мы можемъ сами себѣ при-

думать формы его не хуже, чѣмъ придумала древняя Церковь. Это, во всякомъ случаѣ, составляло бы разрывъ съ древней Церковью, съ Соборами, Апостолами, то-есть—выходъ изъ Вселенской Церкви.

Сверхъ того, мы и не можемъ придумать ничего лучшаго. Установить формы такой тонкой организаціи, приспособить общіе законы соціальной жизни къ задачамъ жизни духовной—создать этого люди сами по себѣ не могли бы. Это построеніе, проникнутое элементомъ таинственнаго, могло быть сдѣлано только Богомъ.

Каждый христіанинъ находитъ себѣ въ вѣчныхъ основахъ церковно-созданнаго строя, на каждой стадіи своего духовнаго развитія, наилучшія условія для успѣха, наиболѣе помощи своей духовной жизни. Съ другой стороны, онъ, какъ бы ни былъ духовно бѣденъ, все-таки что нибудь вноситъ въ Церковь. Онъ въ Церкви не рабъ передъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ Христа. Церковная организація именно и создана для поддержанія такого единства людей, которое требуется духовной жизнью, гдѣ человѣкъ, никогда не выходя изъ Божественной дисциплины, всегда, однако, остается самостоятельнымъ и сознательнымъ существомъ. Ничего

подобнаго люди сами по себѣ не могли бы создать, потому что только благодаря присутствію Христа въ этой коллективности она становится не мечтой, а дѣйствительностью. Если мы попробовали бы создать нѣчто подобное, но безъ реальнаго присутствія Христа, мы получили бы строй либо анархическій, либо деспотическій, не выдерживающій сравненія даже съ нашимъ соціальнымъ строемъ.

Но это непремѣнное присутствіе Божественнаго элемента ограничиваетъ измѣненія церковнаго строя лишь незначительными приспособленіями къ историческимъ или національнымъ особенностямъ. По существу же этотъ строй приспособленъ всевѣдущей волей къ законамъ психологическимъ и соціальнымъ, которые вѣчны, такъ что и установленное съ начала Церкви приспособленіе къ нимъ навсегда останется одно и то же.

Намъ, людямъ, невозможно отваживаться перестраивать дѣло Духа Святаго. Хранить это построеніе—это для члена Церкви не есть какое-нибудь внѣшнее юридическое обязательство, подобное соблюденію „конституціи“, разъ она установлена. Нѣтъ, это есть сохраненіе необходимыхъ нормъ коллективно-религіозной жизни, оставить которыя значитъ покинуть самую жизнь.

Мы говорили до сихъ поръ о строѣ, который дастъ каждой личности то или иное мѣсто въ церковномъ организмѣ.

Но этотъ церковный организмъ живетъ не только въ формѣ внутренняго взаимообщенія и взаимодѣйствія этихъ малыхъ „клѣточекъ“ — людей. Церковь имѣетъ міровыя задачи, участіе въ которыхъ неизбѣжно для всѣхъ, кто не уходитъ изъ этого великаго тѣла, не отрывается отъ него въ его движеніи черезъ столѣтія и тысячелѣтія историческаго шествія Церкви среди народовъ и государствъ человѣческаго рода.

Участіе христіанина въ осуществленіи міровыхъ задачъ Церкви.

Религіозная жизнь личности имѣетъ цѣлью участіе въ Царствіи Божіемъ. Но міровыя цѣли Церкви состоятъ имешно въ приготовленіи мѣста для Царствія Божія, которое открывается для нѣкоторыхъ теперь же, а къ концу вѣковъ должно открыться для всѣхъ, призванныхъ къ спасенію, и новой землей и новыми небесами смѣнитъ нынѣшній міръ.

Эта цѣль осуществляется каждымъ отчасти уже въ процессѣ своей личной выработки. Но Церковь осуществляетъ ее также въ историческомъ процессѣ, охватывая неводомъ Царствія Божія всѣ народы и эпохи,

чтобы выбрать всю „добрую рыбу", какая въ человѣчествѣ была, есть и еще должна явиться. Ничто, годное къ спасенію, не должно быть опущено: всѣмъ народамъ должно быть проповѣдано Евангеліе Царствія: всѣмъ должны быть доставлены тѣ средства спасенія, какими располагаетъ Церковь: отъ всѣхъ должны быть отстранены препятствія къ слышанію проповѣди и къ пользованію духовной жизнью. Этотъ огромный историческій трудъ созиданія вселенскаго тѣла Христова изъ людей всѣхъ племенъ и временъ совершается въ непрерывной борьбѣ съ противодѣйствіемъ злыхъ силъ, съ „тайной беззаконія", замышленной для разрушенія дѣла Божія Промысла, которая, какъ положительно предупреждаетъ Откровеніе, будетъ имѣть въ исторіи огромные успѣхи, а побѣждена будетъ только вторымъ пришествіемъ Спасителя, въ минуту кажущагося полнаго торжества зла и страшнаго разгрома истины.

Къ этой непрерывной борьбѣ со зломъ, стремящимся сохранить власть надъ міромъ, всѣ христіане призываются, какъ „Божіи домостроители", какъ „добрые воины Христовы". Въ этой миссіи Церкви каждая личность, по мѣрѣ силъ, должна принимать участіе. Трудно вычислить, какой огромной

силы напряженія ума, чувства, любви къ Христу и къ людямъ, и ненависти къ Началу зла—требуетъ отъ христіанъ участіе въ исторической миссіи Церкви. Довольно уже указать на всемірную проповѣдь и пріобщеніе всѣхъ народовъ къ Церкви. Но сверхъ того—для борьбы за дѣло Божіе требуется внимательно слѣдить за ходомъ міровой исторіи, чтобы подмѣчать въ ней дѣйствія „тайны беззаконія“ и мѣшать ея успѣхамъ. Тутъ открывается огромный трудъ для христіанской мысли, науки и практическаго дѣйствія. И все это—есть служеніе Церкви, исполненіе нашихъ обязанностей, какъ членовъ тѣла Христова. Извѣстное улучшеніе соціальной жизни несомнѣнно входитъ въ обязанность Церкви и ея членовъ, создавая также весьма обширную область попеченія. Христіанство въ этомъ отношеніи сдѣлало очень много въ исторіи, и, въ сущности, именно имъ, его уроками, его духомъ, подсказаны многія улучшенія, совершонные невѣрующими не по какой-либо особой данной имъ благодати, а просто потому, что всѣ они получали свои первоначальные уроки отъ христіанства.

Но въ той же области культурныхъ улучшеній именно невѣрующими возбуждаются

огромныя антихристіанскія силы. Помня уроки христіанства о дѣлахъ милосердія, но лишенные благодати, забывъ о Богѣ и о духовной сторонѣ человѣка, невѣрующіе прогрессисты создаютъ культурные идеалы, ведущіе къ полному упадку личности человѣка, ставятъ основной задачей культуры матеріальное благосостояніе, а въ его осуществленіи мечтаютъ замѣнить личность учрежденіями, доходя въ соціализмѣ до превращенія человѣка въ безличное колесо, чисто механическаго экономическаго строя. Во всѣхъ этихъ идеалахъ уродливо копируется Церковь, съ замѣной всеживотворящаго Бога какой-нибудь механической или вообще матеріальною силою. Тутъ чувствуется дѣйствіе „тайны беззаконія“, стремящейся отнять у человѣчества христіанство подражаніемъ внѣшности его духа. Вся эта огромная область не только „лжеученій“, но „лжедѣйствій“, требуетъ отпора со стороны христіанства, которое должно стоять на стражѣ того, чтобы подъ флагомъ культуры и улучшенія формъ жизни не подготовлялось порабощеніе людей духу зла, „князю міра“, отбивающаго людей отъ Бога ужъ, конечно, не для того, чтобы дать имъ взамѣнъ хотя бы чисто матеріальное, животное счастье.

Огромная работа стоитъ, такимъ образомъ, передъ Церковью, долженствующею провести Царствіе Божіе черезъ тысячелѣтія міровой борьбы, и членъ тѣла Христова можетъ ли не участвовать въ этой работѣ, если онъ только живъ, а не мертвъ? Дѣятельная солидарность съ задачами Церкви въ міровомъ процессѣ борьбы добра и зла, Христа и Антихриста, есть также часть нашей жизни во Христѣ, если мы не принадлежимъ къ тѣмъ, о комъ сказано: „Ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ“, „Знаю дѣла твои: ты ни холоденъ, ни горячъ... изблюю тебя изъ устъ Моихъ“, и „Ты говоришь—я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“...

Многое бы можно сказать еще о работѣ личности въ Церкви. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно для показанія того, отчего бѣдна, суха и неудовлетворительна для насъ наша религіозная жизнь.

Заключеніе. Она стала *индивидуалистична*, болѣе индивидуалистична, чѣмъ дозволяется истиннымъ религіознымъ чувствомъ для его жизненности. Церковность—величайшее проявленіе человѣческой коллективной жизни—такъ сузилась, что стала въ глазахъ

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

многихъ бѣдѣе государственности. Что такое значитъ жить въ государствѣ и для государства—это ясно. А что значитъ жить въ Церкви и для Церкви—закрылось передъ очами... Но развѣ такъ можно жить религіей христіанской? Сообразимъ хотя въ общихъ чертахъ сложную по содержанію, великую по задачамъ, глубокую по захвату духа нашего, полную труда по многоразличной работѣ—жизнь нашу, какою она *должна быть* въ Церкви, со Христомъ: если мы сопоставимъ съ этимъ *нашу* дѣйствительную, такъ называемую религіозную, жизнь, то страхъ беретъ. Съ Богомъ ли мы, живя такъ, какъ живемъ? А если съ Богомъ нельзя такъ быть, то многаго ли стоятъ наши религіозныя „исканія“, въ которыхъ мы говоримъ „Господи, Господи“, а того, что Господь указываетъ—упорнѣйше не творимъ? Развѣ можетъ тутъ не являться томленіе духа—и блужданія? Мы беремъ изъ Церкви такъ мало помощи и сами вносимъ въ жизнь тѣла Христова до такой степени мало, что сами создаемъ въ себѣ полное оскудѣніе даровъ Божіихъ и сами себя лишаемъ жизни во Христѣ.

Мы, говорятъ, „ищемъ Бога“... Но Бога можно найти только тамъ, гдѣ Онъ нахо-

дится, то-есть въ Церкви и въ жизни Его жизнью. Одно слово „религія“, „церковь“— не поможетъ. Только входя всѣми фибрами существа нашего—у кого какое есть—въ эту одухотворенную „надъ-соціальную“ среду, которая есть тѣло Христово, человѣкъ находитъ свое истинное помѣщеніе, ощущаетъ, себя „дома“, въ своей настоящей средѣ. Но быть въ ней—значитъ жить всей жизнью этого тѣла Христова, получать отъ него притокъ духовныхъ соковъ, передавать ему умноженный талантъ свой, участвовать, по свойству полученнаго дара, въ животворной дѣятельности, охватывающей и судьбы малѣйшаго изъ человѣковъ, и судьбы народовъ, и судьбы всего міра. И если мы ничего этого не беремъ и не даемъ, то мы не живемъ религіозной жизнью!

II.

К. П. Побѣдоносцевъ [1]).

Существенное въ каждомъ вѣроисповѣданіи едва-ли можно выразить, выяснить на бумагѣ или въ опредѣленной формулѣ. Самое существенное, самое упорное и драгоцѣнное въ церковномъ вѣрованіи—неуловимо, недоступно опредѣленію, подобно разнообразію свѣта и тѣней, подобно чувству, сложившемуся изъ безконечнаго ряда послѣдовательныхъ ощущеній, представленій и впечатлѣній.

Сущность вѣроисповѣданій неразрывно связана съ племенными особенностями.

Самое существенное—связано и сплетено множествомъ такихъ тонкихъ корней съ психическою природою каждаго племени и съ общими, сложивши-

---

[1]) Заимствовано съ небольшими сокращеніями изъ „Московскаго Сборника". Москва, 1896 г., стр. 199—227. Статья „Церковь".—Оглавленія принадлежатъ Редакціи.

мися въ немъ, началами нравственнаго міросозерцанія, что невозможно отдѣлить одно отъ другого. Разноплеменные и разноцерковные люди могутъ, во многихъ отношеніяхъ, при встрѣчѣ, во взаимномъ общеніи, почувствовать себя братьями и подать другъ другу руки: но для того, чтобъ они почувствовали себя братьями въ одномъ храмѣ, соединились въ религіозномъ общеніи духа,—для этого надобно имъ долго и много прожить вмѣстѣ, другъ друга понять во всей жизненной обстановкѣ и сплестись между собою въ самыхъ внутреннихъ корняхъ глубины душевной. Такъ иногда нѣмецъ, долго проживши въ Россіи, безсознательно привыкаетъ вѣровать по-русски, и въ русской церкви чувствуетъ себя дома. Тогда онъ *входитъ* къ намъ, становится однимъ изъ нашихъ, и общеніе его съ нами—полное, духовное. Но чтобы то или другое общество протестантовъ, вдалекѣ отъ насъ стоящее, по слуху судящее объ насъ, могло, по книжному или отвлеченному соглашенію о догматахъ и обрядахъ, соединиться съ нами въ одну церковь органическимъ союзомъ и стать едино съ нами по духу,—этого и представить себѣ нельзя. До сихъ поръ не удавалась еще ни одна церковная унія, основанная на соглашеніи:

рано или поздно обнаруживалось фальшивое начало такого союза, и плодомъ его бывало повсюду умноженіе не любви, а взаимнаго отчужденія или даже ненависти.

Свидѣтельство непосредственнаго чувства.

Сохрани Боже порицать другъ друга за вѣру! Но нельзя не чувствовать, когда подходишь къ иной вѣрѣ, иородной, несочувственной, что здѣсь— не то, что у насъ: здѣсь непріютно и холодно: здѣсь не хотѣлъ бы жить. Пусть разумъ говоритъ отвлеченнымъ разсужденіемъ: вѣдь они тому же Богу молятся. Чувство не всегда можетъ согласиться съ этимъ разсужденіемъ: иногда чувству кажется, что въ чужой церкви какъ будто не тому Богу молятся.

Многіе станутъ смѣяться надъ такимъ ощущеніемъ: пожалуй, назовутъ его суевѣріемъ, фанатизмомъ. Напрасно. Ощущеніе не всегда обманчиво: въ немъ сказывается иногда истина прямѣе и вѣрнѣе, нежели въ разсужденіи.

Въ протестантскомъ храмѣ, въ протестантскомъ вѣрованіи холодно и непріютно русскому человѣку. Мало того, если ему дорога вѣра, какъ жизнь,— онъ чувствуетъ, что назвать этотъ храмъ своимъ—для него все равно, что умереть. Вотъ непосредственное чувство. Но этому чувству много

и резонныхъ причинъ. Вотъ одна изъ нихъ, которая особенно поражаетъ своей очевидностью.

Вопросъ о вѣрѣ и дѣлахъ. Въ богословской полемикѣ, въ спорахъ между религіями, въ совѣсти каждаго человѣка и каждаго племени, одинъ изъ основныхъ вопросовъ—вопросъ о *дѣлахъ*. Что главное—*дѣла* или *вѣра*? Извѣстно, что на этомъ вопросѣ пресѣкается донынѣ латинское богословіе съ протестантскимъ. Покойный Хомяковъ въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ прекрасно разъяснилъ, до какой степени обманчива схоластически-абсолютная постановка этого вопроса. Объединеніе вѣры съ дѣломъ, равно какъ и отождествленіе слова съ мыслью, дѣла со словомъ—есть идеалъ недостижимый для человѣческой природы, какъ недостижимо все безусловное... идеалъ, вѣчно возбуждающій и вѣчно обличающій вѣрующую душу. Вѣра *безъ* дѣлъ мертва: вѣра, противная дѣламъ, мучитъ человѣка сознаніемъ *внутренней* лжи, но въ необъятномъ мірѣ внѣшности, объемлющемъ человѣка и предъ лицомъ безконечной вѣчности—что значитъ *дѣло* и *всѣческія дѣла*, что значатъ—*безъ* вѣры?

„Покажи вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ" Iак. II, 18.

Покажи мнѣ *вѣру твою* отъ дѣлъ твоихъ - страшный вопросъ! Что на него отвѣтить *увѣренному*, когда спрашиваетъ его *испытующій*, ищущій познать истину отъ дѣла? Положимъ, что такой вопросъ задастъ протестантъ православному человѣку. Что отвѣтитъ ему православный?—Придется опустить голову. Чувствуется, что показать нечего, что все не прибрано, все не начато, все покрыто обломками. Но черезъ минуту можно поднять голову и сказать: грѣшные мы люди, и показывать намъ нечего, да, вѣдь, и ты не праведный. Но приди къ намъ самъ, поживи съ нами, и увидишь нашу вѣру, и почуешь наше чувство, и, можетъ быть, съ нами слюбишься. А дѣла наши, какія есть, самъ увидишь. Послѣ такого отвѣта девяносто девять изо-ста отойдутъ отъ насъ съ презрительной усмѣшкой. Въ сущности, все дѣло только въ томъ, что мы показывать дѣла свои противъ вѣры не умѣемъ, да и не рѣшаемся.

Отвѣтъ католиковъ. А они показываютъ. И умѣютъ показать, и, правду сказать, есть имъ что показать, въ совершенномъ порядкѣ—вѣками созданныя, сохраненныя и упроченныя дѣла и учрежденія. Смотрите—гово-

рить католическая церковь,—что я значила и что значу въ жизни того общества, которое меня слушаетъ и мнѣ служитъ, что я создала и что мною держится. Вотъ дѣла любви, вотъ дѣла вѣры, вотъ дѣла апостольства, вотъ подвиги мученичества, вотъ полки вѣрные, какъ одинъ человѣкъ, которые я разсылаю на концы вселенной. Не явно-ли, что со мною и въ насъ благодать пребываетъ отъ вѣка и донынѣ?

Отвѣтъ протестантовъ. Смотрите, — говоритъ протестантская церковь, —я не терплю лжи, обмана и суевѣрія. Я привожу дѣла въ соотвѣтствіе и разумъ въ соглашеніе съ вѣрой. Я освятила вѣрою трудъ, житейскія отношенія, семейный бытъ, вѣрою искореняю праздность и суевѣрія, водворяю честность, правосудіе и общественный порядокъ. Я учу ежедневно, и ученіе мое, близкое къ жизни, воспитываетъ цѣлыя поколѣнія въ привычкѣ къ честному труду и въ добрыхъ правахъ. Человѣчество призвано обновиться ученіемъ моимъ—въ добродѣтели и въ правдѣ. Я призвана искоренить, мечомъ слова и дѣла, развратъ и лицемѣріе повсюду. Не явно-ли, что сила Божія со мною, потому что во мнѣ *истинное воззрѣніе на религію?*

Практицизмъ протестантскаго воззрѣнія.

Протестанты довольно спорятъ съ католиками о догматическомъ значеніи *дѣла* въ отношеніи къ вѣрѣ. Но, при совершенной противоположности богословскаго воззрѣнія на этотъ предметъ, и тѣ и другіе ставятъ *дѣло* во главу своей религіи. Только у латинянъ дѣло служитъ въ оправданіе, въ искупленіе, во свидѣтельство о благодати. Лютеране, съ другой стороны, смотрятъ на дѣло и, въ связи съ дѣломъ, на самую религію, съ практической точки зрѣнія. Дѣло какъ будто обращается у нихъ въ *цѣль*, для которой существуетъ религія, становится осѣлкомъ, на которомъ испытуется *правда* религіозная и церковная, и вотъ пунктъ, на которомъ, болѣе чѣмъ на всякомъ другомъ, наша религіозная мысль расходится съ религіозной мыслью протестантизма. Безъ сомнѣнія, высказанное сейчасъ воззрѣніе не составляетъ догматическаго положенія въ лютеранской церкви, но имъ пропитано все ея ученіе. Безспорно, въ немъ есть весьма важная *практическая* сторона, для *здѣшней* жизни, для *міра сего;* и оттого многіе, даже у насъ, готовы иногда ставить нашей Церкви въ образецъ и въ идеалъ церковь протестантскую.

Противорѣчіе его духу православнаго русскаго человѣка.

Но русскій человѣкъ, въ глубинѣ вѣрующей души, не приметъ никогда такого воззрѣнія. *Благочестіе на все полезно* — и по апостольскому слову: но это лишь одна изъ *естественныхъ* принадлежностей благочестія. Русскій человѣкъ не менѣе другого знаетъ, что жить должно *по вѣрѣ*, и чувствуетъ, какъ мало сходна съ вѣрою жизнь его: по существо и цѣль вѣры своей полагаетъ онъ не въ практической жизни, а въ душевномъ спасеніи, и любовію церковнаго союза ищетъ обнять всѣхъ—отъ живущаго по вѣрѣ праведника до того разбойника, который, несмотря на дѣла, прощенъ былъ въ одну минуту.

Особенное вниманіе къ дѣламъ англиканскихъ христіанъ.

Это *практическое основаніе* протестантизма нигдѣ не выражается такъ явственно, какъ въ церкви англиканской и въ духѣ религіознаго воззрѣнія англійской націи. Оно и согласуется съ характеромъ націи, выработавшимся въ ея исторіи—направлять мысль и дѣятельность повсюду къ практическимъ цѣлямъ, стойко и неуклонно добиваться успѣха и во всемъ избирать тѣ пути и способы, которые ближе и вѣрнѣе ведутъ къ успѣху. Это природное стремленіе

необходимо должно было искать себѣ нравственной основы, выработать для себя нравственную теорію: и немудрено, что нравственныя начала нашли для себя санкцію въ соотвѣтствующемъ извѣстному характеру религіозномъ воззрѣніи. Религія безспорно освящаетъ нравственное начало дѣятельности, учитъ, какъ жить и дѣйствовать на землѣ, требуетъ трудолюбія, честности, правды. Нельзя не согласиться съ этимъ положеніемъ. Но отъ этого положенія практическій взглядъ на религію прямо переходитъ къ вопросу: что же за религія у того, кто живетъ въ праздности, нечестенъ и лживъ, развратенъ, безпорядоченъ, не умѣетъ поддержать себя? Такой человѣкъ язычникъ, а не христіанинъ: лишь тотъ христіанинъ, кто живетъ по закону и являетъ въ себѣ силу закона христіанскаго.

Разсужденіе, повидимому, логически правильное. Но у кого не шевелится въ душѣ вопросъ: какъ же быть на свѣтѣ и въ церкви мытарямъ и блудницамъ, тѣмъ, которые, по слову Христову, предваряютъ нерѣдко церковныхъ праведниковъ въ Царствіи Божіемъ?

Разумѣется, страшно было бы предполагать, что такой взглядъ на религію соста-

влiетъ положительную формулу церковнаго вѣрованiя въ Англiи. Такая *формула* была бы явнымъ отрицанiемъ евангельскаго ученiя. Но таковъ именно духъ религiознаго воззрѣнiя у самыхъ добросовѣстныхъ и ревностныхъ представителей такъ называемаго „национальнаго церковнаго учрежденiя", отстанвающихъ и восхваляющихъ англиканскую церковь, какъ первую твердыню государства—и какъ основное выраженiе духа национальнаго. Въ англiйской литературѣ, какъ въ духовной, такъ и свѣтской, это воззрѣнiе выражается иногда въ весьма рѣзкихъ формахъ, въ такихъ словахъ, предъ которыми останавливается съ недоумѣнiемъ, похожимъ на ужасъ, мысль русскаго читателя.

Признанiе англиканца-протестанта Стефена.

Есть сочиненiе замѣчательное по глубинѣ и основательности мысли, написанное человѣкомъ, очевидно, вѣрующимъ, глубоко и ревностно преданнымъ своей церкви. Вотъ что здѣсь сказано между прочимъ о религiи:

„Нѣкоторыя религiи, очевидно, не благопрiятны чувству общественнаго долга. Иныя не имѣютъ никакого къ нему отношенiя, а изъ тѣхъ религiй, которыя ему благопрiятствуютъ (таковы, въ большей или мень-

шей мѣрѣ, всѣ формы христіанской вѣры), одни дѣйствуютъ на него съ особенною, другія съ меньшею силой. Можно сказать, что всего могущественнѣе дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ тѣ религіи, въ коихъ господствуетъ надъ всѣмъ образъ безконечно мудраго и могущественнаго Законодателя. Его личное бытіе непзслѣдимо для человѣческаго разума; но Онъ сотворилъ міръ такимъ, *каковъ есть міръ*, сотворилъ его *для рода людей благоразумныхъ, твердыхъ и сильныхъ духомъ* и устойчивыхъ: *для тѣхъ*, которые сами не безумны и не трусливы, и не очень жалуютъ безумныхъ и трусовъ, знаютъ твердо, что имъ нужно, и съ рѣшимостью употребляютъ *всѣ законныя средства, чтобы того достигнуть. Такая-то религія составляетъ безмолвное, но глубоко укоренившееся убѣжденіе англійской націи*, въ лучшихъ, солидиѣйшихъ ея представителяхъ. Они представляютъ наковальню, о которую избилось уже множество молотовъ, и изобьется еще того больше, не взирая ни на какихъ энтузіастовъ и гуманитарныхъ мечтателей" (Stephen. Liberty, equality, fraternity). Вотъ до какого понятія о религіи можетъ дойти мысль увѣреннаго англиканца-протестанта.

Смѣшеніе земного съ небеснымъ.

Выписанныя слова, въ сущности, содержатъ въ себѣ, прямое извращеніе евангельскаго слова: они какъ будто говорятъ: *блаженны крѣпкіе и сильные* въ дѣлѣ: имъ принадлежитъ царство. Да, скажемъ мы: — царство земное, но не царство небесное. Авторъ не дѣлаетъ этой оговорки, онъ не различаетъ земного отъ небеснаго. Какая страшная, какая отчаянная доктрина!..

„Горе слабымъ и падающимъ! Горе побѣжденнымъ!“ Конечно, въ здѣшней жизни это—непреложная истина, и правило житейской мудрости говоритъ каждому: борись, входи въ силу и держи въ себѣ силу, если хочешь жить; слабому нѣтъ мѣста на свѣтѣ. Но придавать этому правилу безусловную, какъ бы догматическую силу въ религіозномъ смыслѣ—вотъ чего наша душа не принимаетъ, какъ не принимаетъ она сроднаго протестантству ужаснаго кальвинскаго ученія о томъ, что иные отъ вѣка призваны къ добродѣтели, къ славѣ, къ спасенію и блаженству, а другіе отъ вѣка осуждены, и, что бы ни дѣлали въ жизни, все влечетъ ихъ въ бездну отчаянія и вѣчныхъ мученій.

Писатели Карлейль и Фрудъ.

Страшно читать иныхъ англійскихъ писателей, у ко-

торыхъ съ особенной силой звучитъ эта струна англиканскаго протестантизма. У Карлейля, напримѣръ, доходитъ до восторженнаго пооса поклоненіе силѣ и таланту побѣдителя и презрѣніе къ побѣжденнымъ. Созерцая своихъ героевъ, сильныхъ людей, онъ чествуетъ въ нихъ воплощеніе *божественнаго*, и съ тонкимъ презрительнымъ юморомъ говоритъ о тѣхъ слабыхъ и несчастныхъ, неловкихъ и падшихъ, которыхъ раздавила побѣдная колесница.

Всего тяжелѣе читать Фруда, знаменитаго историка англійской реформаціи, и самаго видпаго, между историками, представителя англійскихъ національныхъ началъ въ церкви и въ политикѣ.

Упоминая о страшныхъ казняхъ, которымъ подвергались въ ту пору такъ часто и невинные, наравнѣ съ виноватыми, строгій судья человѣческихъ дѣлъ такъ говоритъ о своемъ народѣ: „англичане—строгій и суровый народъ—они не знаютъ состраданія тамъ, гдѣ *нѣтъ законной причины* допустить состраданіе; напротивъ того, они исполнены священнаго и торжественнаго ужаса къ злодѣянію—чувство, которое, по мѣрѣ своего развитія въ душѣ, необходимо закаливаетъ ее и образуетъ желѣзный характеръ. Стро-

гаго права человѣкъ склоненъ къ нѣжности тогда лишь, когда остается еще мѣсто добру посреди зла, и добро еще борется со зломъ; но въ виду совершеннаго развращенія и зла никакое состраданіе немыслимо: оно возможно развѣ только тогда, когда мы въ своемъ сердцѣ смѣшиваемъ *преступленіе* съ *несчастіемъ*".

Какое презрѣніе долженъ чувствовать авторъ къ русскому человѣку, у котораго подлинно есть въ душѣ такое смѣшеніе, и который искони называетъ *преступника несчастнымъ!*

Достоинства и слабости протестантизма.

Какъ личный характеръ, какъ характеръ племени, такъ и характеръ каждой церкви, въ связи съ усвоившимъ ее племенемъ, имѣетъ и свои достоинства, и свои недостатки. Достоинства протестантизма достаточно выяснились въ исторіи германскаго и англо-саксонскаго племени. Пуританскій духъ создалъ нынѣшнюю Британію. Протестантское начало привело Германію къ силѣ, къ дисциплинѣ и единству. Но на оборотной сторонѣ его есть такіе недостатки, такія стремленія религіознаго самосознанія, которыя не могутъ быть намъ сочувственны. Протестантство — какъ всякая духовная сила—склонно къ паденію

именно въ томъ, въ чемъ полагаетъ свои коренныя духовныя основы. Стремясь къ абсолютной правдѣ, къ очищенію вѣрованія, къ осуществленію вѣрованія въ жизни,—оно слишкомъ склонно увѣровать въ собственную правду и увлечься до гордаго поклоненія своей правдѣ и до презрѣнія къ чужому вѣрованію, которое *отождествляетъ* съ *неправдою*. Отсюда, съ одной стороны, опасность впасть въ лицемѣріе и фарисейскую гордость. И подлинно, немало слышится изъ протестантскаго міра голосовъ, которые съ горечью сознаютъ, что лицемѣріе составляетъ язву строгаго лютеранства. Съ другой стороны, начавъ съ проповѣди о терпимости, о свободѣ мысли и вѣрованія, протестантство въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ выказало склонность къ фанатизму особаго рода,—къ фанатизму гордаго разума и самоувѣренной праведности передъ всѣми прочими видами вѣрованія. Строгій протестантизмъ съ презрѣніемъ относится ко всякому вѣрованію, которое представляется ему нечищеннымъ, недуховнымъ, исполненнымъ суевѣрій и внѣшнихъ обрядностей, ко всему, что онъ самъ отбросилъ, какъ рабскія узы, какъ дѣтскую одежду, какъ принадлежность невѣжества. Создавъ для себя самъ кодексъ

вѣрованій и обрядовъ, онъ считаетъ свое исповѣданіе исповѣданіемъ *избранныхъ, просвѣщенныхъ и разумныхъ*, и всѣхъ, держащихся старой Церкви, склоненъ считать людьми низшаго рода, не умѣющими возвыситься до истиннаго разумѣнія. Это презрительное отношеніе къ прочимъ вѣрованіямъ, можетъ быть, несознательно выражается въ протестантствѣ, но оно слишкомъ ощутительно для иновѣрцевъ. Никакая религія не свободна отъ большей или меньшей склонности къ фанатизму; но смѣшно слышать, когда съ обвиненіемъ въ фанатизмѣ обращаются къ намъ *лютеране*. У насъ, при терпимости ко всякому вѣрованію, свойственной національному характеру нашему, встрѣчаются, конечно, отдѣльные случаи исключительности и узости церковныхъ воззрѣній, но никогда не бывало и не можетъ быть ничего подобнаго тому презрѣнію, съ которымъ строгій лютеранинъ смотритъ на непонятныя для него, но для насъ исполненныя глубокаго духовнаго значенія принадлежности нашей церкви и свойства нашего вѣрованія.

Народность русской церкви.

Ни въ чемъ такъ явственно, какъ въ церкви, не ощущается различіе между общественнымъ ду-

хомъ и складомъ англо-саксонскаго и, напримѣръ, русскаго племени. Въ англійской церкви, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, является у русскаго человѣка такая мысль: много здѣсь хорошаго, но все-таки—какъ я радъ, что родился и живу въ Россіи. У насъ въ церкви можно забыть обо всѣхъ сословныхъ и общественныхъ различіяхъ, отрѣшиться отъ мірского положенія, слиться совершенно съ народнымъ собраніемъ, передъ лицомъ Бога. Наша церковь большею частію и создана на всенародныя деньги, такъ что рубль отъ гроша различить невозможно; во всякомъ случаѣ, церковь наша есть всенародное дѣло и всенародное достояніе. Оттого она всѣмъ намъ вдвое дороже, что, входя въ нее, послѣдній нищій чувствуетъ совершенно такъ же, какъ и первый вельможа, что это—его церковь. Церковь — единственное мѣсто (какое счастье, что у насъ есть такое мѣсто!), гдѣ послѣдняго бѣдняка въ рубищѣ никто не спроситъ: зачѣмъ ты пришелъ сюда, и кто ты такой?—гдѣ богатый не можетъ сказать бѣдному: твое мѣсто не возлѣ меня, а сзади.

Церковь и богослуженіе у англичанъ.

Здѣсь—войдите въ церковь, посмотрите на церковное собраніе. Оно благоговѣйно, оно, мо-

жетъ быть, торжественно, но это—собраніе лэди и джентльменовъ, изъ которыхъ каждое лицо имѣетъ свое мѣсто, ему особливо присвоенное: а богатые люди и знатные въ своемъ околоткѣ—имѣютъ мѣста отдѣленныя и украшенныя, точно ложи. Можно ли, со стороны глядя, удержаться отъ мысли, что церковное собраніе здѣсь лишь видоизмѣненіе общественнаго собранія, и что въ немъ есть мѣсто только такъ называемымъ въ обществѣ „порядочнымъ людямъ“? Всѣ молятся по своимъ книжкамъ, но какъ у каждаго въ рукахъ своя книжка, такъ видно, что каждый желаетъ быть и передъ Богомъ—самъ по себѣ, не теряя своей индивидуальности. Говорятъ, что въ послѣднія 20—30 лѣтъ совершилась еще въ этомъ отношеніи замѣтная перемѣна: мѣста въ церквахъ—большею частью открытыя, т. е. не отгороженныя наглухо, и доступъ къ нимъ сталъ свободнѣе, чѣмъ прежде; а въ прежнее время, особливо въ провинціи, и мѣста въ церквахъ устраивались закрытыми или отдѣльными стойками такъ, чтобы владѣлецъ каждаго мѣста могъ молиться *спокойно*, уединенно, не смущаясь никакимъ сосѣдствомъ. Какъ ясно отражается въ этомъ расположеніи церковномъ исторія здѣшняго феодаль-

наго общества, и самая исторія здѣшней церковной реформы! *Nobility* и *gentry* составляютъ все, и все ведутъ за собой, потому что всѣмъ обладаютъ и все къ себѣ притягиваютъ. Все должно быть куплено или взято съ бою, даже право имѣть мѣсто въ церкви. Самое *священнослуженіе*—есть право извѣстнаго рода, полагаемое въ цѣну. Мѣста пасторскія, съ правомъ на извѣстный доходъ или окладное содержаніе, составляютъ въ Англіи принадлежность вотчиннаго права, *патронатства*, и выборъ на мѣсто составляетъ достояніе — или частныхъ землевладѣльцевъ, или короны, въ силу не столько государственнаго, сколько феодальнаго владѣльческаго права. Оттого и пасторъ, посреди народа, независимо отъ народа назначенный и не зависящій отъ народа въ своемъ содержаніи, является среди народа тоже въ видѣ князя, свыше поставленнаго. Церковная должность прежде всего представляется привилегіей и достояніемъ; и стыдно сказать: это достояніе служитъ предметомъ торга. Мѣста главныхъ священниковъ могутъ быть сдаваемы за извѣстную цѣну, сложенную изъ капитализаціи дохода, такъ же, какъ сдаются мѣста стряпчихъ, нотаріусовъ, маклеровъ и т. п. Въ любой англійской га-

зетѣ, въ особомъ отдѣлѣ объявленій о такъ называемыхъ preferments, вы встрѣтите рядъ предложеній купить мѣсто священника съ описаніемъ доходныхъ статей: расхваливается мѣсто, съ его удобствами для жизни, описывается домъ, мѣстоположеніе, означается доходъ, и предлагается цѣна съ предувѣдомленіемъ, что нынѣшній incumbent старъ, такихъ-то лѣтъ, и, вѣроятно, недолго будетъ пользоваться своимъ положеніемъ. Для переговоровъ указано обращаться туда-то. Въ Лондонѣ издается даже особенный журналъ („The Church preferment registrar“) съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ статей, угодій и доходовъ каждаго мѣста, для свѣдѣнія и разсчета желающихъ получить его за извѣстную сумму.

Чрезвычайное развитіе сектъ и партій у англичанъ.

Религіозная и молитвенная потребность въ массѣ народной, не находя себѣ мѣста и удовлетворенія въ такъ называемой „установленной“, государственной церкви, стала искать исхода въ вольныхъ самоуставныхъ церковныхъ собраніяхъ и въ разнообразныхъ сектахъ. Дѣленіе церковнаго обряда здѣсь неимовѣрное между жителями самаго незначительнаго мѣстечка. Самая „установленная“ церковь дѣлится на три партіи, и

сторонники каждой изъ нихъ (такъ называемой Высокой, Низкой и Широкой церкви) имѣютъ обыкновенно свою церковь и не ходятъ въ чужую. Въ небольшой деревнѣ, гдѣ не болѣе 500 человѣкъ постояннаго населенія, существуютъ нерѣдко три церкви англиканскія и, кромѣ того, три церкви методистовъ трехъ разныхъ толковъ, которые, различаясь въ очень тонкихъ и капризныхъ подробностяхъ, отрѣшаются отъ общенія между собою. Особливая церковь—для первоначальныхъ или Веслеевыхъ методистовъ, потомъ для конгрегаціонистовъ, потомъ для такъ называемыхъ библейскихъ христіанъ: послѣдніе—тѣ же методисты, но отдѣлились нѣсколько лѣтъ тому назадъ только изъ-за того, что полагаютъ, въ несогласіи съ прочими, невозможнымъ имѣть женатыхъ въ званіи церковныхъ *евангелистовъ*. Вотъ сколько церквей—и капитальныхъ, красивыхъ и обширныхъ церквей въ одной деревнѣ! Всѣ эти секты и собранія отличаются особенностями вѣроученій, иногда очень тонкими и капризными, или совсѣмъ дикими; но, помимо догматическихъ разностей, во всѣхъ выражается одно и то же стремленіе къ вольной всенародной церкви, и многія изъ нихъ проникнуты оже-

сточенною ненавистью къ „установленной“ церкви и къ ея служителямъ. Кромѣ отдѣльныхъ сектъ посреди самой „установленной“ церкви образовалась издавна многочисленная партія во имя вольнаго церковнаго общенія.—Частные люди и отдѣльныя общества употребляютъ свои средства для доставленія простому народу возможности участвовать въ богослуженіи: для этого приходится строить отдѣльныя церкви или нанимать отдѣльныя помѣщенія, театры, сараи, залы и т. п. Все это движеніе произвело уже ощутительную реакцію въ обычаяхъ самой „установленной“ церкви, побудивъ ее шире раскрыть свои двери. Но не странно ли, что здѣсь приходится брать съ бою то, что у насъ отъ начала вольно, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ?

Частыя осужденія нашей Церкви и духовенства.

Какъ часто случается у насъ, въ Россіи, слышать страшныя рѣчи объ нашей Церкви отъ людей, бывавшихъ за-границей, читавшихъ иностранныя книги, любящихъ судить красно съ чужого голоса, или просто отъ людей наивныхъ, которые увлекаются идеальнымъ представленіемъ мимо дѣйствительности! Эти люди не находятъ мѣры похваламъ англиканской или германской церкви и англикан-

скому духовенству, не находятъ мѣры осужденія нашей Церкви и нашему духовенству. Если вѣрить имъ -тамъ все живая дѣятельность, а у насъ мертвечина, грубость и сонъ. Тамъ дѣла, а у насъ голая обрядность и бездѣйствіе. Не мудрено, что многіе говорятъ такъ. Между людьми ведется, что по платью встрѣчаютъ человѣка. Говорятъ: по уму провожаютъ: но, чтобъ узнать умъ и почувствовать духъ, надо присмотрѣться и поработать мыслью, а по платью судить нетрудно. Составишь себѣ готовое впечатлѣніе— и такъ потомъ при немъ и останешься. Притомъ есть много людей, для которыхъ первое дѣло, первый и окончательный рѣшитель впечатлѣнія —внѣшнее благоустройство, манера, ловкость, чистота, респектабельность. Въ этомъ отношеніи, конечно, есть на что полюбоваться хотя бы въ англійской церкви, есть о чемъ иногда печалиться въ нашей. Кому не случалось встрѣчать свѣтское, а иной разъ, къ сожалѣнію, и духовное лицо, изъ бывшихъ за границею, съ жаромъ выхваляющее здѣшнюю простоту церковную и осуждающее нашу родимую *„за незрѣлость"*. Грустно бываетъ слушать такія рѣчи, какъ грустно видѣть сына, когда онъ, прожившъ въ фешёнебельномъ кругу, посреди всѣхъ тон-

костей столичной жизни, возвращается въ деревню, гдѣ провелъ когда-то дѣтство свое, и смотритъ съ презрѣніемъ на неприхотливую обстановку и на простые, пожалуй грубые, обычаи родной семьи своей.

Неосновательность этихъ порицаній.

Мы удивительно склонны, по натурѣ своей, увлекаться прежде всего красивой формой, организаціей, внѣшнею конструкціей всякаго дѣла. Отсюда—наша страсть къ подражаніямъ, къ перенесенію на свою почву тѣхъ учрежденій и формъ, которыя поражаютъ насъ заграницей внѣшнею стройностью. Но мы забываемъ при этомъ или вспоминаемъ слишкомъ поздно, что всякая форма, исторически образовавшаяся, выросла въ исторіи изъ историческихъ условій, и есть логическій выводъ изъ прошедшаго, вызванный *необходимостью*. Исторіи своей никому нельзя ни перемѣнить, ни обойти, и сама исторія, со всѣми ея явленіями, дѣятелями, сложившимися формами общественнаго быта, есть произведеніе *духа* народнаго, подобно тому, какъ исторія отдѣльнаго человѣка есть въ сущности произведеніе живущаго въ немъ духа. То же самое сказать должно о формахъ церковнаго устройства. У всякой формы есть своя духовная подкладка, на кото-

рой она выросла; часто прельщаемся мы формою, не видя этой подкладки, но если бы мы ее видѣли, то иной разъ не задумались бы отвергнуть готовую форму, при всей ея стройности, и съ радостью остались бы при своей старой и грубой формѣ, или безформенности, пока своя у насъ духовная жизнь не выведетъ свою для насъ форму. Духъ—вотъ что существенно во всякомъ учрежденіи, вотъ что слѣдуетъ охранять дороже всего отъ кривизны и смѣшенія [1]).

Характеръ нашей церковной вѣры. Наша Церковь искони имѣла и донынѣ сохраняетъ значеніе всенародной церкви и духъ любви и безразличнаго общенія. Вѣрою народъ нашъ держится донынѣ посреди всѣхъ невзгодъ и бѣдствій, и если что можетъ поддержать его, укрѣпить и обновить въ дальнѣйшей исторіи, такъ это—вѣра, и одна только вѣра церковная. Намъ говорятъ, что народъ нашъ—невѣжда въ вѣрѣ своей, исполненъ суевѣрій страдаетъ отъ дурныхъ и порочныхъ привычекъ, что наше духовен-

[1]) Этотъ мудрый совѣтъ долженъ быть принятъ за правило при обсужденіи вопроса объ отношеніи *православія* къ *инославію* и тѣмъ болѣе—при жизненномъ соприкосновеніи перваго со вторымъ.—*Редакція.*

ство грубо, невѣжественно, бездѣйственно, приниженно, и мало имѣетъ вліянія на народъ. Все это во многомъ справедливо, но все это—явленія *не существенныя*, а случайныя и временныя. Они зависятъ отъ многихъ условій,—и прежде всего отъ условій экономическихъ и политическихъ, съ измѣненіемъ коихъ и явленія эти рано или поздно измѣнятся. Что же существенно? Что же принадлежитъ духу?—Любовь народа къ Церкви, свободное сознаніе полнаго общенія въ Церкви, понятіе о Церкви, какъ общемъ достояніи и общемъ собраніи, полнѣйшее устраненіе сословнаго различія въ Церкви и общеніе народа съ служителями Церкви, которые изъ народа вышли и отъ него не отдѣляются ни въ житейскомъ быту, ни въ добродѣтеляхъ, *ни въ самыхъ недостаткахъ*, съ народомъ и стоятъ и падаютъ. Это такое поле, на которомъ можно возрастить много добрыхъ плодовъ, если работать вглубь, заботясь не столько объ *улучшеніи быта*, сколько объ *улучшеніи духа*, не столько о томъ, чтобы число церквей *не превышало потребности*, сколько о томъ, чтобы *потребность въ церкви не оставалась безъ удовлетворенія*. Намъ ли зариться съ завистью, издалека и по слуху, хоть бы на

протестантскую церковь и ея пастырей? Избави насъ, Боже, дождаться той поры, когда наши пастыри утвердятся въ положеніи чиновниковъ, поставленныхъ надъ народомъ, и станутъ князьями посреди людей своихъ, въ обстановкѣ свѣтскаго человѣка, въ усложненіи потребностей и желаній посреди народной скудости и простоты.

Для уразумѣнія церкви необходимо участіе въ ея молитвѣ.

Кто русскій человѣкъ — душой и обычаемъ, тотъ понимаетъ, что̀ значитъ храмъ Божій, что̀ значитъ церковь для русскаго человѣка. Мало самому быть благочестивымъ, чувствовать и уважать потребность религіознаго чувства; мало—для того, чтобы уразумѣть смыслъ церкви для русскаго народа и полюбить эту церковь, какъ свою, родную. Надо жить народною жизнію, надо молиться заодно съ народомъ, въ одномъ церковномъ собраніи, чувствовать одно съ народомъ біеніе сердца, проникнутаго единымъ торжествомъ, единымъ словомъ и пѣніемъ. Оттого многіе, знающіе церковь только по домашнимъ храмамъ, гдѣ собирается избранная и наряженная публика, не имѣютъ истиннаго пониманія своей церкви и настоящаго вкуса церковнаго, и смотрятъ иногда равнодушно или превратно въ церковномъ обычаѣ и служе-

нiи на то, что для народа особенно дорого и что въ его понятiи составляетъ красоту церковную.

Православная церковь красна народомъ. Какъ войдешь въ нее, такъ почувствуешь, что въ ней все едино, все народомъ осмыслено и народомъ держится.

Католическiй обрядъ непонятенъ и чуждъ русской православной душѣ.

Войдите въ католическiй храмъ: какъ въ немъ все кажется пусто, холодно, искусственно православному собранiю! Священникъ служитъ и читаетъ самъ по себѣ, какъ бы поверхъ народа и отлученный отъ народа. Онъ самъ по себѣ молится по своей книжкѣ; народъ молится по своимъ, приходитъ и уходитъ, совершивъ свои моленiя и дождавшись того или другого церковнаго дѣйствiя. На алтарѣ совершается священнодѣйствiе; народъ присутствуетъ лишь при немъ, но какъ будто не содѣйствуетъ ему общею молитвою. Обрядъ не говоритъ нашему чувству, и мы чувствуемъ, что красота, какая можетъ быть въ немъ, не наша красота, а чужая. Всѣ движенiя обряда, механически расположенныя, кажутся намъ страшными, холодными, невыразительными; очертанiя, образы одежды— неблагообразными; звуки церковнаго рече-

татива—нестройными и бездушными; пѣніе на чужомъ языкѣ, въ которомъ не распознаешь словъ—не гимномъ народнаго собранія, не воплемъ, льющимся изъ души,—но концертомъ, искуственно устроеннымъ, который покрываетъ собою богослуженіе, но не сливается съ нимъ. Душа наша тоскуетъ здѣсь по своей церкви, какъ тоскуетъ между чужими по родинѣ.

Русское церковное пѣніе.

То-ли дѣло у насъ: вотъ красота неописанная, красота, понятная русскому человѣку, красота, за которую онъ душу готовъ положить,—такъ онъ ее любитъ. Русское церковное пѣніе,—какъ народная пѣснь, льется широкою вольною струею изъ народной груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе говоритъ сердцу. Напѣвы у насъ одинаковые съ греками, но русскій народъ иначе поетъ ихъ, потому что положилъ въ нихъ свою русскую душу. Кто хочетъ послушать, какъ эта душа сказывается, тому надобно итти не туда, гдѣ орудуютъ голосами знаменитые хоры и капеллы, гдѣ исполняется музыка новыхъ композиторовъ и справляется обиходъ по новымъ оффиціальнымъ переложеніямъ. Ему надо слушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ или въ одной изъ тѣхъ приход-

скихъ церквей, гдѣ сложилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе: тамъ услышитъ онъ, какимъ широкимъ, вольнымъ потокомъ выливается праздничный ирмосъ изъ русской груди, какою торжественною поэмой выпѣвается догматикъ, слагается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ радости проникнутъ каноны Пасхи или Рождества Христова.

Его вліяніе на душу. Тутъ оглянемся и увидимъ, какъ отзывается каждое слово пѣсни въ народномъ собраніи, какъ блеститъ оно въ поднятыхъ взорахъ, носится надъ склоненными головами, отражается въ припѣвахъ, несущихся отовсюду, потому что всякому церковному человѣку знакомы съ дѣтства и слова, и напѣвы, и во всякомъ душа поетъ, когда онъ ихъ слышитъ. Богослуженіе стройное, *истовое*—дѣйствительно праздникъ русскому человѣку, и въ церкви душа хранитъ глубокое ощущеніе, которое отражается въ ней, даже при воспоминаніи о томъ или другомъ моментѣ: русская душа, привыкшая къ церкви и во всякую минуту готовая воспрянуть, когда внутри ея послышится пѣснь Пасхальнаго или Рождественскаго канона, съ мыслью о свѣтлой заутренѣ, или любимый напѣвъ праздничнаго

ирмоса, или „Всемірная слава“ съ ея потрясающимъ „Держайте“... Подлинно, это тѣ звуки, о которыхъ сказалъ поэтъ, что имъ

...безъ волненья
Внимать невозможно...
Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірского
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово,
Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ его, я
Узнаю повсюду...

А у того, кто съ дѣтства привыкъ къ этимъ словамъ и звукамъ, сколько отъ нихъ поднимается всякій разъ воспоминаній и образовъ изъ той великой поэмы прошлаго, которую каждый прожилъ и каждый носитъ въ себѣ... Счастливъ, кто привыкъ съ дѣтства къ этимъ словамъ, звукамъ и образамъ, кто въ нихъ нашелъ красоту и стремится къ ней и жить безъ нея не можетъ, кому все въ нихъ понятно, все родное, все возвышаетъ душу изъ пыли и грязи житейской, кто въ нихъ находитъ и собираетъ растерянную по угламъ жизнь свою, разбросанное по дорогамъ свое счастье. Счастливъ, кого съ дѣтства добрые и благочестивые родите-

ли пріучили къ храму Божію и ставили въ немъ посреди народа молиться всенародною молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на цѣлую жизнь, они ввели его подлинно въ разумъ духа народнаго и въ любовь сердца народнаго, сдѣлавъ и для него церковь роднымъ домомъ и мѣстомъ полнаго, чистаго и истиннаго соединенія съ народомъ.

Что ослабляетъ дѣйственость православнаго богослуженія?

Что же сказать о множествѣ затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и въ широтѣ полей нашихъ храмовъ, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика?

Увы! не церковь повинна въ этой тупости, и не бѣдный народъ повиненъ:—повиненъ лѣнивый и несмыслящій служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви: повинна, по мѣстамъ, скудость и безпомощность народная. Благо тому человѣку, въ комъ зажжется въ ту пору искра любви и ревность о жизни духовной и кто успѣетъ вывести заброшенную церковь въ свѣтъ благолѣпія и пѣнія. Подлинно, онъ осіяетъ свѣтомъ страну и сѣнь

смертную, онъ воскреситъ умершихъ и поверженныхъ, спасетъ души отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ...

Любовь русскаго человѣка къ храмозданію.

Оттого-то русскій человѣкъ такъ охотно и такъ много жертвуетъ на церковное строеніе, на созиданіе и украшеніе храмовъ. Какъ криво судятъ тѣ, кто осуждаетъ его за это рвеніе, а такихъ голосовъ слышится ужъ немало. Это щедрое рвеніе приписываютъ то грубости и невѣжеству, то ханжеству и лицемѣрію. Говорятъ: не лучше-ли было бы употребить эти деньги на „образованіе народное“, на школы, на благотворительныя учрежденія? И на то, и на другое жертвуется своимъ чередомъ, но та жертва совсѣмъ иная, и благочестивый русскій человѣкъ, со здравымъ русскимъ смысломъ, не одинъ разъ призадумается прежде, чѣмъ развяжетъ кошель свой на щедрую дачу для формально образовательныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

Церковь—учрежденіе всенародное.

То-ли дѣло церковь Божія! Она сама за себя говоритъ:—она живое, всенародное учрежденіе. Въ ней одной и живому и умершему отрадно. Въ ней одной всѣмъ легко, свободно, въ ней душа всяческая, отъ мала до велика,

веселится и радуется, и празднуетъ отъ тяжкой страды; въ ней и бѣлому и сѣрому человѣку, и богатому и бѣдному одно мѣсто. Разукрашена она паче царской палаты—домъ Божій, а всякій изъ малыхъ и бѣдныхъ стоитъ въ ней, какъ *въ своемъ* дому; каждый можетъ назвать церковь своею, потому что церковь на народные рубли и, больше того, на народные гроши строена и народомъ держится. Всѣмъ въ ней пріютъ и молитва съ утѣшеніемъ, и то ученіе, которое дороже всего русскому человѣку. Вотъ что безсознательно и сознательно сразу сказывается въ русской душѣ о церкви и заставляетъ русскаго человѣка жертвовать на церковь безъ оглядки и безъ разсужденія. Русскій человѣкъ чувствуетъ, что въ этомъ дѣлѣ не ошибается и даетъ вѣрно и свято на вѣрное и святое дѣло.

Превосходство православнаго обряда надъ протестантскимъ.

Протестанты ставятъ намъ въ упрекъ формальность и обрядность нашего богослуженія; но когда посмотришь на ихъ обрядъ, то невольно отдаешь предпочтеніе нашему обряду; чувствуешь, какъ нашъ обрядъ простъ и величествешъ въ своемъ глубокомъ, таинственномъ значеніи. Священнослужитель поставленъ въ нашемъ обрядѣ такъ просто,

что отъ него требуется только благоговѣйное вниманіе къ произносимымъ словамъ и совершаемымъ дѣйствіямъ; въ устахъ его и черезъ него священныя слова и обряды сами за себя говорятъ—и какъ глубоко и таинственно говорятъ душѣ каждаго и соединяютъ все собраніе въ одну мысль и въ одно чувство! Оттого самый простой и неискусный человѣкъ можетъ, не подстраивая себя, не употребляя искусственныхъ усилій, совершать молитвенное дѣйствіе и вступить въ молитвенное общеніе со всей церковью. Протестантскій молитвенный обрядъ, при всей наружной простотѣ своей, требуетъ отъ священнослужителя молитвеннаго дѣйствія въ извѣстномъ тонѣ. Оттого въ этомъ обрядѣ только глубоко духовные или очень талантливые люди могутъ быть просты; остальные же, т. е. огромное большинство, принуждены подстраивать себя и прибѣгать къ аффектаціи, которая именно въ протестантскихъ храмахъ чаще всего встрѣчается и производитъ на непривычнаго человѣка тягостное впечатлѣніе.

Искусственность протестантской проповѣди.

Когда видишь проповѣдника, какъ онъ, стоя посреди храма, лицомъ къ размѣщенному чинно на скамьяхъ собранію, произноситъ молитвы,

воздѣвая глаза къ небу, сложивъ руки въ извѣстный всѣми употребляемый видъ, и придаетъ своей рѣчи неестественную интонацію, становится неловко за него; думается, какъ должно быть ему неловко! Еще ощутительнѣе становится неловкость, когда, окончивъ обрядъ, онъ всходитъ на каѳедру, и начинаетъ свою длинную проповѣдь, оборачиваясь отъ времени до времени назадъ, чтобы выпить изъ стакана воды и собраться съ духомъ. И въ этой проповѣди рѣдко случается слышать дѣйствительно живое слово,— когда проповѣдникъ дѣйствительно духовный человѣкъ или талантъ. Говорятъ большею частію работники церковнаго дѣла, чрезвычайно натянутымъ голосомъ, съ крайнею аффектаціей, съ сильными жестами, поворачиваясь изъ стороны въ сторону, повторяя на разные лады общія, всѣми употребляемыя фразы. Даже, когда читаютъ по книгѣ, что нерѣдко случается, они прибѣгаютъ къ извѣстнымъ тѣлодвиженіямъ, интонаціямъ и разстановкамъ. Нерѣдко случается, что проповѣдникъ, произнося нѣкоторыя слова и фразы, кричитъ и ударяетъ кулакомъ по каѳедрѣ, чтобы придать выразительность своей рѣчи... Здѣсь чувствуешь, какъ вѣрно примѣнилась наша Церковь къ природѣ че-

ловѣческой, не помѣстивъ проповѣди въ составъ богослужебнаго обряда. Весь нашъ обрядъ, самъ по себѣ, составляетъ лучшую проповѣдь, тѣмъ болѣе дѣйствительную, что всякій принимаетъ ее не какъ человѣческое, а какъ Божіе слово. И церковный идеалъ нашей проповѣди, какъ живого слова, есть *ученіе* вѣры и любви, отъ Божественныхъ Писаній, а не возбужденіе чувства, какъ необходимое дѣйствіе каждаго священнослужителя на собравшихся въ церковь для молитвы.

Обрядъ выраженіе религіозной души народа.

Говорятъ, что обрядъ—неважное и второстепенное дѣло. Но есть обряды и обычаи, отъ которыхъ отказаться—значило бы отречься отъ самого себя, потому что въ нихъ отражается жизнь духовная человѣка или всего народа, въ нихъ сказывается цѣлая душа. Въ разности обряда выражается всего явственнѣе коренная и глубокая разность духовнаго представленія, таящаяся въ безсознательныхъ сферахъ духовной жизни,—та самая разность, которая препятствуетъ сліянію или полнотѣ взаимнаго сочувствія между разноплеменными народами и составляетъ основную причину разности церквей и вѣроисповѣданій. Отрицать, съ отвлеченной, космо-

политической точки зрѣнія, дѣйствіе этой притягательной или отталкивающей силы, приравнивая ее къ предразсудку,—значило бы то же, что отрицать силу сродства, дѣйствующую въ личныхъ между людьми отношеніяхъ.

Отношеніе къ умершимъ у западныхъ христіанъ и у (православныхъ) русскихъ.

Какъ знаменательна, напримѣръ, у разныхъ народовъ разница въ погребальномъ обрядѣ и въ обращеніи съ тѣломъ покойника! Южный человѣкъ, итальянецъ, бѣжитъ, отъ своего мертвеца, спѣшитъ какъ можно скорѣе очистить отъ него домъ свой и предоставляетъ постороннему заботу о его погребеніи. Напротивъ того, у насъ, въ Россіи, характерная народная черта—религіозное отношеніе къ мертвому тѣлу, исполненное любви, нѣжности и благоговѣнія. Изъ глубины вѣковъ отзывается до нашего времени, исполненный поэтическихъ образовъ и движеній, плачъ надъ покойникомъ, превращаясь, съ принятіемъ новыхъ религіозныхъ обрядовъ, въ торжественную церковную молитву. Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ нашей страны, погребальный обычай и обрядъ не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, до которой онъ достигаетъ у насъ: и нѣтъ семьи-

нія, что въ этомъ его складѣ отразился нашъ народный характеръ, съ особеннымъ, присущимъ нашей натурѣ, міровоззрѣніемъ. Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одѣваемъ ихъ благолѣпнымъ покровомъ, мы окружаемъ ихъ торжественною тишиною молитвеннаго созерцанія, мы поемъ надъ ними пѣснь, въ которой ужасъ пораженной природы сливается во-едино съ любовію, надеждою и благоговѣйною вѣрою. Мы не бѣжимъ отъ своего покойника, мы украшаемъ его въ гробъ, и насъ тянетъ къ этому гробу—вглядѣться въ черты духа, оставившаго свое жилище; мы поклоняемся тѣлу и не отказываемся давать ему послѣднее цѣлованіе, и стоимъ надъ нимъ три дня и три ночи съ чтеніемъ, съ пѣніемъ, съ церковною молитвой. Погребальныя молитвы наши исполнены красоты и величія; онѣ продолжительны и не спѣшатъ отдать землѣ тѣло, тронутое тлѣніемъ,—и, когда слышишь ихъ, кажется, не только произносится надъ гробомъ послѣднее благословеніе, но совершается вокругъ него великое церковное торжество въ самую торжественную минуту бытія человѣческаго! Какъ понятна и какъ любезна эта торжественность для русской души! Но иностра-

нецъ рѣдко понимаетъ ее, потому что она—совсѣмъ ему чужая. У насъ чувство любви, пораженное смертью, расширяется въ погребальномъ обрядѣ; у него—оно болѣзненно сжимается отъ того же обряда и поражается однимъ ужасомъ.

Отвращеніе къ усопшимъ у лютеранъ.

Нѣмецъ-лютеранинъ, живши въ Берлинѣ, потерялъ въ Россіи горячо любимую сестру, православную. Когда онъ пріѣхалъ къ намъ, наканунѣ погребенія, и увидѣлъ любимую сестру, лежащую во гробѣ, ужасъ поразилъ его, сердце его сжалось, и видно было, что чувство любви и благоговѣнія уступило въ немъ мѣсто отвращенію, съ которымъ онъ присутствовалъ при прощаніи съ мертвымъ тѣломъ и долженъ былъ самъ принять въ немъ участіе... Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, нѣмецъ не можетъ понять насъ, покуда не поживетъ съ нами и не войдетъ въ глубину духовной нашей жизни.

Отрицаніе ими св. мощей.

Отъ этой же, кажется, причины ничто столько не возмущаетъ лютеранина въ нашей Церкви, какъ поклоненіе св. мощамъ, которое для насъ самихъ, по природѣ нашей, кажется такъ просто и естественно,—когда мы и своимъ покойникамъ кланяемся, и ихъ тѣло

обнимаемъ и чествуемъ въ погребеніи. Онъ, не живя нашею жизнію, не видитъ въ этомъ чествованіи ничего, кромѣ дикаго суевѣрія, а для насъ—это движеніе и дѣло любви, самое природное и простое.

Агитація на Западѣ въ пользу сожженія почившихъ.

Трудно ему понять насъ, такъ же, какъ намъ дико и противно слышать о возникшей недавно въ германскомъ и въ англійскомъ обществѣ агитаціи, требующей введенія новаго погребальнаго обряда. Они хотятъ, чтобы мертвые не предавались землѣ, а сожигались въ особо устроенныхъ печахъ,—и требуютъ этого съ утилитарной и гигіенической точки зрѣнія. Пропаганда эта усиливается, собираются митинги, составляются общества, устраиваются на счетъ частныхъ лицъ усовершенствованныя печи, производятся химическіе опыты, сочиняются траурные марши, которыми должно сопровождаться сожиганіе... Голоса растутъ, крики усиливаются, во имя науки, во имя просвѣщенія, во имя блага общественнаго. Изъ какого дальняго міра, изъ какого быта доносятся до насъ эти звуки — и какой этотъ міръ чужой для насъ, какой непріютный и холодный! Нѣтъ, не дай Богъ умереть въ томъ краю, на чужбинѣ, вдали отъ матери сырой земли русской!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Л. А. Тихомировъ.
Введеніе. 3
Глава 1. Соціальная жизнь и ея значеніе. 7
Глава 2. Церковь, ея свойства и значеніе. 15
К. П. Побѣдоносцевъ. 44

„Религіозно-философская Библіотека".

1. Выпуски „Религіозно-философской Библіотеки":

Выпускъ I-й: **„Забытый путь опытнаго Богопознанія"**. *М. Новоселовъ.* Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Цѣна 25 коп.

Выпускъ II-й: **„Исканіе Бога"**. Сборникъ. *Оп. Никола, гр. М. М. Сперанскій, еп. Игнатій Брянчаниновъ, К. Рыдѣевъ и др.* Изд. 3-е, дополненное. Цѣна 30 коп.

Выпускъ III-й: **„Вѣчная жизнь, какъ высшее благо"**. *Архіеп. Сергій.* Изд. 2-е, переработанное. Цѣна 30 коп.

Выпускъ IV-й: **„Соціальное значеніе религіи и религіозной личности"**. Сборникъ. *В. С. Соловьевъ, С. М. Соловьевъ, Ѳ. М. Достоевскій, С. В. Енисейскій, Л. А. Тихомировъ, А. И. Герценъ.* Изд. 2-е, переработанное. Цѣна 30 коп.

Выпускъ V-й: **„Личность, общество и Церковь"**. *Л. Тихомировъ. К. Побѣдоносцевъ.* Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Цѣна 30 коп.

Выпускъ VI-й: **„Молитва Господня"** въ изъясненіи *Влад. Соловьева и М. Московскаго Филарета.* Цѣна 20 коп.

Выпускъ VII-й: **„Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви"**. Сборникъ. *А. С. Хомяковъ, К. и И. Аксаковы, Влад. Соловьевъ.* Цѣна 20 коп.

Выпускъ VIII-й: **„О цѣли образованія"**. Сборникъ. *Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Янъ Амосъ Коменскій, Филаретъ, м. Московскій, архіепископъ Никаноръ, еп. Ософанъ, Влад. Мономахъ, проф. В. И. Несмѣловъ.* Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Цѣна 35 коп.

Выпускъ IX-й: **„Альтруизмъ и христіанская любовь"**. *Л. Тихомировъ.* Цѣна 15 коп.

Выпускъ X-й: **„Религія и нравственность"**. Сборникъ. *Л. Толстой, проф. Бурцевъ-Платоновъ, проф. Гусевъ и др.* Цѣна 30 к.

Выпускъ XI-й: **„Нравственный смыслъ основныхъ христіанскихъ догматовъ"**. *Архіеп. Антоній (Храповицкій).* Цѣна 25 к.

Выпускъ XII-й: **„Что такое Библія"**. Цѣна 25 коп.

Выпускъ XIII-й: **„Какъ читать Библію"**. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XIV-й: **„Смыслъ міровой исторіи"**. *Влад Соловьевъ.* Цѣна 15 коп.

Выпускъ XV-й: **„О самопознаніи"**. *Джонъ Мессонъ. Проф. В. Карповъ.* Цѣна 20 коп.

Выпускъ XVI-й: **„Первоначальная Христіанская Церковь въ Іерусалимѣ"**. *Осіоръ Самаринъ.* Цѣна 25 коп.

Выпускъ XVII-й: **„О Церкви"**. *Оп. Никола.* Цѣна 30 коп.

Выпускъ XVIII-й: **„О благодати и таинствахъ"**. *Огюстъ Никола.* Цѣна 20 коп.

Выпускъ XIX-й: **„Церковь"**. *Влад. Соловьевъ.* **„Нравственная идея догмата церкви"**. *Архіепископъ Антоній.* Цѣна 25 коп.

Выпускъ XX-й: **„О смыслѣ жизни"**. Часть первая: а) **„Эвдемонизмъ, утилитаризмъ и стоицизмъ, какъ принципы жизни:**

б) „Логическая связь вѣры въ смыслъ жизни съ вѣрой въ безсмертіе". Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXI-й: „О смыслѣ жизни". Часть вторая: „Христіанское міровоззрѣніе". Сборникъ. *Проф. А. Ивановъ-Платоновъ, проф. В. И. Несмѣловъ, еп. Осодоръ-затворникъ, прп. Серафимъ Саровскій.* Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXII-й: „О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ". Часть первая. *Влад. Кожевниковъ.* Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXIII-й: „О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ". Часть вторая. *Его-же.* Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXIV-й: Церковь. Ея свойства и благодатная жизнь. (По *А. С. Хомякову*). Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXV-й: „Смыслъ страданій". Сборникъ. *Буго, В. А. Жуковскій, И. И. Козловъ, Н. В. Гоголь, Паскаль, еп. Игнатій (Брянчаниновъ), м. Филаретъ.* Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXVI-й: „Нравственныя условія Богопознанія". Цѣна 20 коп.

Выпускъ XXVII-й: „Гуманизмъ". (Его смыслъ и значеніе въ новой исторіи человѣчества). Цѣна 25 к.

Выпускъ XXVIII-й: „Психологическое оправданіе христіанства". (Противорѣчія въ природѣ человѣка по свидѣтельству древняго и новаго міра и разрѣшеніе ихъ въ христіанствѣ), *М. Новоселовъ.* Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXIX-й: „О непосредственномъ откровеніи по ученію Слова Божія". Цѣна 15 коп.

Выпускъ XXX-й: „Догматъ. этика и мистика въ составѣ христіанскаго вѣроученія". *М. Новоселовъ.* Цѣна 20 коп.

Выпускъ XXXI-й: „Спасеніе и вѣра по православному ученію". Цѣна 35 коп.

Готовятся къ печати:

Выпускъ XXXII-й: „Спасеніе и вѣра по ученію католическому и протестантскому".

Выпускъ XXXIII-й: „Церковь, католичество и протестантство". Краткій очеркъ ихъ исторіи по *А. С. Хомякову.*

Выпускъ XXXIV-й: „Идея католичества у *О. М. Достоевскаго*".

Выпускъ XXXV-й: „Мистика Церкви и мистика западныхъ исповѣданій".

2. Изданія „Религіозно-философской Библіотеки":

I. О возрожденіи Русской церкви. Сборникъ. *А. А. Папковъ. П. А. Заозерскій. А. М. Ивановъ-Платоновъ. Еп. Порфирій Успенскій. И. И. Аксаковъ. А. П. Лебедевъ. Д. Синицкій. М. Новоселовъ.* Цѣна 50 коп.

II. Высшее церковное управленіе въ Россіи. Сборникъ: *Влад. Соловьевъ. И. С. Аксаковъ. Л. А. Тихомировъ. А. М. Ивановъ-Платоновъ.* Цѣна 40 коп.

III. Собраніе академическихъ лекцій и статей по пастырскому богословію. *Архіепископъ Антоній (Храповицкій).* Цѣна 80 к.

IV. Отношеніе соціализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности. *Влад. Кожевниковъ.* Изд. 3-е. Цѣна 40 коп.

V. Общественное значеніе монастырей. Прис. Пов. *И. Д. Кузнецовъ.* Цѣна 25 коп.

V. Ѳ. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ христіанскаго возрожденія и вселенскаго православія. Цѣна 40 коп.

VII. О добросовѣстности въ вѣрѣ и въ невѣріи (къ учащейся молодежи). *Влад. Кожевниковъ.* Изд. 3-е. Цѣна 15 коп.

VIII. Открытое письмо къ гр. Л. Толстому. *М. Новоселовъ.* Изд. 3-е. Цѣна 10 коп.

IX. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. *П. Мансуровъ.* Цѣна 1 руб.

X. Суды чести среди учителей. *М. Новоселовъ.* Изд. 2-е. Цѣна 10 к.

XI. Вселенская Христова Церковь и „Всемірный христіанскій студенческій союзъ". *Его-же.* Изд. 2-е, дополненное. Цѣна 30 к.

XII. „Изъ разговоровъ о войнѣ". *М. Новоселовъ.* Изд. 2-е. Цѣна 10 коп.

XIII. „Исповѣдь атеиста". *Влад. Кожевниковъ.* Изд. 2-е. Цѣна 20 коп.

XIV. „Религіозно-философскіе вечера". Изд. 2-е. Цѣна 70 коп.

XV. „Мысли объ изученіи святоотеческихъ твореній". *Влад. Кожевниковъ.* Цѣна 20 коп.

XVI. Современное научное невѣріе. (Его ростъ, вліяніе и перемѣна отношеній къ нему). *Влад. Кожевниковъ.* Цѣна 1 руб.

XVII. „Отшельничество, монастырь и міръ" *К. П. Леонтьевъ.* Цѣна 30 коп.

XVIII. „Въ поискахъ Живаго Бога". *І. Игнатій.* Цѣна 50 коп.

XIX. „Сладость бытія". (Прогпвъ самоубійствъ). *Проф. А. М. Туберовскій.* Цѣна 40 к.

XX. „Религія человѣкобожія у Фейербаха и Конта". *Влад. Кожевниковъ.* Цѣна 35 к.

Указатель книгъ для чтенія православному христіанину. Выпускъ первый: книги по исторіи и изъясненію В. и Н. Завѣта. Цѣна 20 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ: *Тузова, Суворина, Карбасникова, Голубева* („Правовѣдѣніе"), *„Трудъ", Елова* (Рыбинскъ, Сергіевъ посадъ); въ книжныхъ лавкахъ *Троице-Сергіевой Лавры, Чудова монастыря* и др.

Выписывающіе непосредственно отъ *М. А. Новоселова* (Москва, возлѣ храма Христа Спасителя, домъ Копригиной, кв. 12) на сумму *менѣе* одного рубля могутъ высылать почтовыми марками, а *не менѣе* 3-хъ руб.—не платятъ за пересылку. При выпискѣ на меньшую сумму слѣдуетъ прилагать на пересылку приблизительно *20 коп. на каждый рубль.* Можно *наложен. платежомъ.*

Сельскому духовенству, учителямъ и учительницамъ начальныхъ школъ, а также воспитанникамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній *уступка въ размѣрѣ 10%.*

На листки уступка никому не дѣлается.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

На комиссію книги не отпускаются.